

УДК 340.113

ББК 67.81

Т 86

Рекомендовано к опубликованию Учебно-методическим Советом
Московского государственного университета экономики, статистики и
информатики (Белгородский филиал)

Рецензенты:

*Корнев Виктор Николаевич, доктор юридических наук, профессор
Рабец Анна Максимовна, доктор юридических наук, профессор
Сергеев Сергей Львович, доктор юридических наук, профессор
Каганов Вениамин Шаевич, ректор Академии менеджмента и
рынка, ректор корпоративного университета «Норильский никель»,
кандидат экономических наук*

ISBN– 978-5-7764-0569-3

Т 86

***Владислав Туранин. Теория и практика использования
законодательных дефиниций. Монография. – Москва, 2009. – 108 с.***

В монографии исследована правовая сущность дефиниций, выявлены и проанализированы теоретические и практические вопросы их использования в российском законодательстве. По итогам проведённой работы сформулирован ряд выводов и рекомендаций, отражающих авторский взгляд на возможность оптимизации законодательного процесса в области конструирования определений терминов, а также предложены пути совершенствования существующих законодательных дефиниций.

Книга рассчитана на учёных, депутатов всех уровней, служащих и экспертов, участвующих в законодательной деятельности, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов и факультетов.

ББК 67.81

© Туранин В.Ю., 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Общая характеристика законодательных дефиниций	7
1.1. Понятие, функции и критерии необходимости законодательной дефиниции.....	7
1.2. Принципы законодательных дефиниций	23
1.3. Место дефиниций и наименование объекта определения в тексте закона.....	33
Глава 2. Вопросы использования дефиниций в федеральном и региональном законодательстве.....	41
2.1. Дефиниции в федеральном законодательстве: проблемы содержания и формы.....	41
2.2. Дефиниции в региональном законодательстве: проблемы внешней и внутренней дисгармонии.....	67
2.2.1. Дисгармония федеральных и региональных законодательных дефиниций.....	67
2.2.2. Дисгармония дефиниций, используемых в однотипных законах различных регионов России.....	79
Заключение.....	88
Список использованных источников.....	92
Краткая справка об авторе.....	108

ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержательность и понятность закона являются одними из приоритетных принципов его надлежащего применения. Поэтому текст закона должен содержать юридически, логически и лингвистически грамотные формулировки, позволяющие ему быть доступным для всех лиц, заинтересованных в его познании.

Необходимыми средствами раскрытия информации о содержании любого закона являются дефиниции. Именно с их помощью каждое заинтересованное лицо может узнать точный смысл юридических и неюридических терминов, используемых в тексте законодательного акта.

В настоящее время практически каждый закон содержит целый комплекс дефиниций. При этом следует помнить о том, что количество законодательных определений терминов не должно быть чрезмерным. Именно для этого в современной юридической науке делаются попытки выработки соответствующих критериев и принципов их использования.

Стабильность российского законодательства и доступность его восприятия во многом зависят от единства, внутренней согласованности и системности использования дефиниций в каждом федеральном и региональном законодательном акте. При этом и само российское законодательство должно характеризоваться системными признаками. Поэтому каждое общественное отношение, подлежащее правовому регулированию, должно быть обеспечено полным и логичным нормативным рядом. Это нужно для того, чтобы даже соприкоснувшись с нормой отсылочного характера, каждое заинтересованное лицо всегда могло бы найти необходимое законодательное решение той или иной проблемы.

Системность и непротиворечивость российского законодательства является самым действенным фактором для устранения внешних и внутренних антиномий законодательных дефиниций. Более того,

системность законодательства – это основа для системности законодательных дефиниций.

Проблемы, возникающие при определении терминов в законодательном тексте, в последнее время всё больше привлекают внимание исследователей. Одним из наиболее ярких научных событий последних лет явился инициированный доктором юридических наук, профессором, заслуженным деятелем науки Российской Федерации Владимиром Михайловичем Барановым международный «круглый стол» на тему: «Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года), результатом которого послужил 1456-страничный сборник трудов участников.

При этом, следует признать, что несмотря на многие актуальные выводы и рекомендации представителей научного мира, существующие подходы к конструированию законодательных дефиниций (разработке их формы и содержания) в российском законотворческом процессе практически не меняются. Было и остается множество проблем, связанных с определением терминов, катализирующих неточность, а зачастую, и ошибочность текста закона, создающих очевидную дисгармонию федерального и регионального законодательства.

Можно ли переломить имеющиеся негативные проявления федерального и регионального законотворческого процесса в работе с законодательными дефинициями? Полагаем, что сделать это будет крайне трудно, учитывая косность самой методики конструирования дефиниций, а также игнорирование субъектами законотворческой деятельности инновационных решений в данной области, предлагаемых учёными, но возможно.

Поэтому попытаемся еще раз обратить внимание на этот загадочный юридический феномен – законодательную дефиницию, и предложить комплекс выводов и рекомендаций, отражающих авторский взгляд на

возможность оптимизации законотворческого процесса в области конструирования определений терминов, а также ряд необходимых решений по совершенствованию существующих законодательных дефиниций.

Отметим, что настоящая работа основана на концепции двуединства в изучении теоретических свойств дефиниций и практических проблем их использования в федеральном и региональном законодательстве.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ДЕФИНИЦИЙ

1.1. Понятие, функции и критерии необходимости законодательной дефиниции

Исследование сути законодательных дефиниций, в первую очередь, предполагает понимание значения самого термина «дефиниция». В соответствии со словарной трактовкой, дефиниция (лат. definition – определение, точное указание) – это «краткое определение какого-либо понятия, содержащее наиболее существенные его признаки».¹ В науке существуют и другие позиции, которые характеризуются авторским видением исследуемого объекта. В частности, Л.Ф.Апт указывает, что дефиниция – это «краткое определение какого-либо понятия, отражающее существенные, качественные признаки предмета или явления».² А.В.Суперанская, Н.В.Подольская и Н.В.Васильева отмечают, что дефиниция – это «словесное выражение тех специфических особенностей, которые отличают данное понятие от смежных с ним, перечисление существенных признаков дефинируемого предмета, явления, которые репрезентируют понятие».³ Также есть мнение, что «дефиниция – это словесное описание понятия, определяющее его положение в системе всех понятий, соотносимых с данным».⁴

Таким образом, очевидной представляется неразрывная связь дефиниции и понятия. Однако следует отметить, что дефиниция связана и с

---

¹ *Большой толковый словарь русского языка (БТС) / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – С.255.*

² *Апт Л.Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники: Сб. статей. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С.301.*

³ *Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. / Отв. ред. Т.Л.Канделаки. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 162.*

⁴ *Wuster E. Einfurung in die Allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexicographie. – Wien; N.Y., 1979. - Bd. 1-2.*

термином, выражающим соответствующее понятие. Традиционно понятие, термин и дефиниция существуют как единое целое, предназначенное для адекватной языковой конвертации мысли, ее должного понимания. Можно даже представить такую схему: «понятие → термин → дефиниция», где понятие – это абстрактная форма восприятия действительности (невидимый объект), которая материализуется с помощью термина (видимого объекта) и дефиниции (второго видимого объекта) в текстовом источнике мысли. Но эта схема применима только в том случае, если понятие выражено с помощью термина, а не с помощью обычного слова (или слов). Поэтому, например, А.В.Суперанская, Н.В.Подольская и Н.В.Васильева выдвигают тезис о том, что дефиниция может относиться и к понятию, и к термину. Следовательно, «можно говорить о дефиниции понятия и дефиниции термина».¹ Мы разделяем данное мнение, хотя в современной науке оно небесспорно. К примеру, Г.Т.Чернобель делает императивное заключение, касающееся невозможности определения термина, по мнению автора, «термины объясняются, разъясняются, но не определяются»².

В рамках нашей работы мы зачастую отождествляем два термина – «дефиниция» и «определение», учитывая возможность восприятия последнего в значении «формулировка, раскрывающая содержание, сущность, основные черты чего-либо»³ или в трактовке Аристотеля, как «речь, обозначающая суть бытия (вещи)»⁴. Хотя, отметим, что данные трактовки термина «определение» являясь весьма распространенными, не замыкают суть исследуемого понятия. С позиции логического толкования, определение представляет собой комплексное явление, оно охватывает и процесс разработки соответствующего мнения и результат этого процесса, то есть само выработанное мнение. Иными словами, определение в более

¹ Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. *Общая терминология. Вопросы теории.* / Отв. ред. Т.Л.Канделаки. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 161.

² Чернобель Г.Т. *Правовые понятия и их применение в законах* / В кн.: *Законодательная техника. Научно-практическое пособие.* – М.: Городец, 2000. – С. 82.

³ БТС. – С.719.

⁴ Аристотель. *Сочинения в четырех томах.* – М: Мысль, 1975-1983. – Т.2. *Топика.* Книга первая. Глава пятая. – С. 352.

широком понимании характеризуется и динамикой (процесс построения суждения), и статикой (конечный результат) одновременно. Не случайно Д.П.Горский трактует определение как «логический прием, позволяющий: а) отличать, отыскивать, строить интересующий нас предмет; б) уточнять значение уже введенного в науку термина, а также формировать значение вновь вводимого термина».¹

Исследуя законодательные дефиниции (дефиниции, используемые в законах), следует обратить внимание на неоднозначность в подходе к изложению их юридической сути. Так, например, Е.В.Васьковский настаивал на том, что устанавливаемые в законе определения терминов – это «нормы особого рода: второстепенные, вспомогательные, пояснительные», которые «не обладают самостоятельным значением и сами по себе не могут получить применения в жизни, а служат исключительно для разъяснения смысла других норм».² Есть коллективное мнение, касающееся возможности признания за законодательными дефинициями статуса «предписаний особого рода»³ или своеобразных «предписаний-дефиниций»⁴. Нам ближе вторая позиция, поскольку восприятие дефиниции, изложенной в законодательном тексте, в качестве самостоятельной правовой нормы, пусть даже второстепенного, пояснительного плана, несколько выходит за рамки ее действительного назначения. Законодательная дефиниция может быть частью нормы права, ее базовым элементом, но не самой правовой нормой. Ведь все-таки норма права – это общеобязательное правило поведения, дефиниция же является не правилом, а, действительно, скорее особым нормативным предписанием, языковым «ключом» к адекватному

---

¹ Горский Д.П. *Определение (логико-методологические проблемы)*. – М.: Мысль, 1974. – С.5.

² Васьковский Е.В. *Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов*. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – С.113.

³ *Как готовить законы: Научно - практическое пособие* / Ред. колл.: Ю. А. Тихомиров и др. – М., 1993. – С.49.

⁴ Рахманина Т.Н., Баранов В.М., Тихомиров Ю.А., Сырых В.М. *Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов // Проблемы юридической техники: Сб. статей. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова*. – Нижний Новгород, 2000. – С.809.

восприятию смысла, вкладываемого в то или иное нормативное установление. При этом и законодательное определение обладает ярко выраженным обязывающим характером, обусловленным государственно-волевым принуждением всех адресатов воспринимать используемые в законодательном тексте термины только в строго установленном значении и руководствоваться им в процессе применения правовых норм.

Обобщая изложенные общие (языковые и логические) и особенные (юридические) черты законодательных дефиниций, выделим их характерные признаки.

Во-первых, законодательные дефиниции являются объектами, устанавливающими содержание понятий, а в случае, если понятие выражено соответствующим термином, то объектами, в равной степени устанавливающими содержание понятий и соответствующих им терминов.

Во-вторых, законодательные дефиниции предназначены для краткой передачи необходимой информации о понятиях (терминах), основанной на тех смысловых особенностях, которые наиболее ярко и четко характеризуют каждое понятие (термин) и позволяют отграничить его от других. Ведь, «истинность юридических определений зависит от того, насколько существенными для данного понятия являются указанные в нем признаки».¹

В-третьих, законодательные дефиниции, являясь неотъемлемой частью законов, служат особыми, обязательными для всех, государственно-волевыми предписаниями.

Отметим, что в процессе установления сущности самого термина «законодательная дефиниция» также нет единства. Так, например, В.В.Лазарев отмечает, что законодательная дефиниция – это «краткое логическое определение, устанавливающее существенные, отличительные в правовом отношении, признаки предмета или правовое значение понятия – его правовое содержание и границы использования в сфере правового

---

¹ Пионтковский А. К методологии изучения действующего права / Ученые записки ВИЮН. Выпуск 6. – М., 1946. - С. 37.

регулируемая».¹ Р.А.Ромашов настаивает на том, что «законодательная дефиниция представляет собой определение понятия, получившее закрепление в том или ином нормативно-правовом акте и, в силу этого, воспринимаемое в качестве общезначимого».²

Исходя из сформулированных нами признаков законодательных дефиниций, мы можем представить **законодательную дефиницию** как особое, обязательное для всех, государственно-волевое предписание, изложенное в тексте закона, устанавливающее содержание понятия (термина) с помощью краткой передачи необходимой информации о нем, позволяющей идентифицировать данное понятие (термин) среди других.

Необходимо заметить, что с одной, более явно проявляющейся, стороны, законодательная дефиниция действительно раскрывает основное содержание понятия, придает ему необходимый смысл, но, с другой стороны, на этом основывается и своеобразная скованность понятия, стереотипность его восприятия в языковом пространстве. Тем не менее, понятие – это объект, который существует в динамике, а значит, оно должно быть подвержено постоянному развитию. По убедительному мнению Д.А.Керимова, «каждое новое и более сложное юридическое понятие синтезирует в себе предыдущие определения, связи и отношения данного явления и тем самым выступает как то «звено», которое все ближе подводит исследователя к «духовно

---

¹ Лазарев В.В. Дефиниции в законодательной деятельности Государственной Думы России // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / Под ред. проф. В.М.Баранова, проф. П.С.Пацуркивского, к.ю.н. Г.О.Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С.159.

² Ромашов Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / Под ред. проф. В.М.Баранова, проф. П.С.Пацуркивского, к.ю.н. Г.О.Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С.102.

конкретному» выражению правовой действительности».¹ Поэтому особенно важным представляется понимание того, что дефиниции в юриспруденции, как, наверное, и в любой другой науке, имеют не постоянный, а временный вид. Это предопределяется развитием, движением общества и государства, сменой общественных формаций, динамикой научно-технического прогресса. Как справедливо и точно заметил Р.Дюбюк, «если исследователь попадает «в плен» к дефиниции, он может потерять способность развивать свою науку».² В случае возникновения данной проблемы в юриспруденции, может получиться весьма опасная ситуация. Ведь всякая косность в праве, его отставание от неизбежного процесса формирования всё новых и новых общественных отношений, наносит несоизмеримый удар по жизнедеятельности каждого человека и государства в целом. Особенно ярко это проявляется в законотворческой деятельности, которая изначально призвана упреждать, а не создавать всевозможные коллизии.

Законодательная дефиниция, отражая основную суть понятия, выявляя существенные признаки, никогда полностью не исчерпывает его содержания. Определения всегда недостаточно для понятия, поэтому законодательная дефиниция лишь указывает пользователю путь к понятию, расставляя необходимые акценты. Давно подмечено, что «единственно реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция».³ Однако без ёмких и логично сконструированных определений в законодательном тексте не обойтись. Каждый адресат должен знать вектор мысли законодателя, его взгляд на толкование того или иного понятийного объекта. Поэтому актуальным является вопрос о функциональной обеспеченности законодательных дефиниций. Это важно, прежде всего, для более детального освоения сути определений понятий, их роли в процессе

---

¹ Керимов Д.А. *Диалектический путь познания права. В кн.: Методологические проблемы советской юридической науки.* – М.: Наука, 1980. – С. 20.

² Дюбюк Р. *Состояние терминологии на современном этапе // Материалы Международного симпозиума «Теоретические и методологические вопросы терминологии».* – М., 1979. – С.23.

³ Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* – М.: Госуд. изд-во политической лит-ры, 1961. – Т. 20. – С.634-635.

правового регулирования, с тем, чтобы составить комплексное представление об исследуемом объекте.

В настоящее время, как нам представляется, наиболее широкую палитру функций законодательных (или, как пишет автор – легальных юридических) дефиниций представил В.Н.Карташов. Он выделяет учредительную, познавательную, информационную, онтологическую, регулятивную, конкретизирующую, охранительную, моделирующую, аксиологическую, идеологическую, коммуникативную, интегрирующую, интерпретационную, праксеологическую (дидактическую, практически-прикладную и т.п.) функции, а также функцию формирования и трансляции юридического опыта.¹ Данная классификация проведена автором на основании анализа работ Д.П.Горского, П.П.Баранова, В.И.Курбатова, В.Кнаппа, К.Попа и некоторых других ученых, в которых, в свою очередь, указывается на наличие учредительной, познавательной регулятивной, охранительной, интегративной и других функций дефиниций.²

Столь разветвленная система функций законодательных дефиниций открывает для каждого пользователя возможность детального научного осмысления сущности определений понятий (терминов) в законах и их анализа по самым различным критериям. Учитывая накопленный опыт в данной сфере, мы остановимся на исследовании трёх функций законодательных дефиниций, которые, как нам представляется, являются основными с точки зрения их реализации в законотворческом процессе:

- 1) познавательная;
- 2) интерпретационная;
- 3) предписывающая.

---

¹ Карташов В.Н. Юридические дефиниции: некоторые методологические подходы, виды и функции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / Под ред. проф. В.М.Баранова, проф. П.С.Пацуркивского, к.ю.н. Г.О.Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С.594.

² Там же. – С. 592.

Полагаем, что именно эти функции аккумулируют и раскрывают необходимые практические свойства законодательных дефиниций.

1. Познавательная функция.

Дефиниция является весомым звеном в цепочке познавательной деятельности. Как заметил румынский логик Корнел Попа, «конечная цель всякого определения – познание».¹ Законодательное определение служит своеобразным проводником в процессе постижения определенных закономерностей объективного мира, усвоения смысла разнообразных явлений. Дефиниция вооружает каждого пользователя необходимыми знаниями, являясь «заочным рукопожатием» адресанта (создателя юридических норм) и адресата – того, для кого эти самые нормы создаются. Именно поэтому бесконечный процесс познания юридического понятия, выявления его сути, характеризуется усвоением и трансформацией его определения, выявлением степени его объективации в законодательном пространстве.

2. Интерпретационная функция.

Дефиниция – это и интерпретация юридического понятия, его словесная «настройка». С помощью дефиниции законодатель формулирует свое мнение о разъясняемом понятии (термине), интерпретирует его в соответствии с целями и задачами законодательного акта. Очень точно подмечено, что «термин создается, его значение конструируется».² Именно конструирование законодательного определения, его языковое оформление, составляют незримый для большинства процесс законодательного творчества. При этом особенно значимой является общая нейтральность создаваемой дефиниции, которая может быть достигнута только через призму консенсуса в научном мире. Ведь законодатель, вполне естественно, в своих определениях должен опираться и на существующие научные концепции, взгляды, суждения. Поэтому чем прочнее научно подкреплена та

---

¹ Попа К. Теория определения. – М., 1976. – С.177.

² Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Указ. раб. – С. 165.

или иная дефиниция, тем меньше она вызывает дискуссий, тем стабильнее существование закона, в котором данная дефиниция задействована.

3. Предписывающая функция.

Эта функция законодательной дефиниции в какой-то мере синтезирует все приведенные выше аспекты, определяя итоговый модус ее влияния на законотворческий процесс и его результаты. Определение термина в законодательном тексте изначально не допускает инотолкования, это является следствием реализации государственной воли. С помощью дефиниции законодатель создает для потенциального пользователя такие рамки языкового проявления понятия, которые он считает необходимыми, закрепляя тем самым предписание того, как именно следует воспринимать данное понятие в соответствующем контексте. Законодатель, формулируя правовую сентенцию, индивидуально определяет ее содержание и границы. Поэтому законодательная дефиниция, являясь одним из основных проводников юридической мысли, может объективироваться в качестве своеобразного правила толкования понятия, лингво-правового рубежа, за пределы которого выходить нельзя. Это отражает и общую суть определения, ведь как указывал Т.Гоббс, «существо определения в ограничении, то есть в детерминировании значения определяемого имени и отделении его от всех значений, кроме того, которое содержится в самом определении».¹ И особенно важно, что посредством законодательного определения последовательно формируется сама суть юридического понятия, устанавливаются потенциальные возможности и границы действий, связанных с реализацией юридических норм, обусловленных его (понятия) существованием.

Дефиниция дает каждому ее адресату огромный шанс для адекватного восприятия нормативного установления, его однозначного толкования. Без разъяснения задействованных в законе терминов существует реальная угроза переоценки возможностей адресатов, для которых предназначен

---

¹ Гоббс Т. Сочинения. В 2-х томах. – М.: Изд-во «Мысль», 1989. – Т.1. – С.132.

законодательный текст. Ведь в данном случае большинство нормативных установлений будет понятно, прежде всего, субъекту, обладающему определенной совокупностью юридических знаний, а не рядовому пользователю,¹ познающему закон.

Таким образом, субъект, занимающийся правотворческой деятельностью – формулированием законодательного текста, и объект, для которого данный текст предназначен, по сути будут являться одним лицом – специалистом, для которого доступна усложненная терминология закона. Считаем, что это противоречит одному из главнейших критериев качества законодательного текста – его доступности для всех и каждого. Наше мнение основано, в частности, и на утверждении Ч.Беккариа о том, что «будучи не в состоянии судить о степени своей свободы или свободы своих сограждан, гражданин попадает в зависимость от кучки посвященных, поскольку такой язык законов, непонятный народу, превращает кодекс из книги всеми почитаемой и всем доступной в книгу квазичастную и доступную лишь для узкого круга лиц».²

Дефиниции, действительно, играют одну из ключевых ролей в тексте любого закона, и прав В.М.Савицкий, указавший на то, что «дефинитивные нормы, может быть, и удлиняют законодательство, если иметь в виду чисто количественную сторону дела. Зато совершенно очевидно, что они в большей степени способствуют правильному пониманию и применению закона, а значит, улучшают качество и весь механизм правового регулирования»³. Данное мнение было сформулировано в заочном споре с А.А.Ушаковым, обращавшим внимание на то, что дефиниции «удлиняют и загромождают законодательство».⁴

---

¹ То есть среднему (среднестатистическому) человеку, не имеющему специального юридического образования.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Правовая мысль: Антология. Авт.-сост. В.П.Малахов. – М.: Академический проект, 2003. – С. 267.

³ Савицкий В.М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. – М.: Наука, 1987. – С.64.

⁴ Ушаков А.А. Очерки законодательной стилистики. Часть 1. Содержание и форма в праве и проблемы законодательной стилистики. – Пермь, 1967. - С.172.

Отметим, что любая дефиниция, раскрывая основной смысл соответствующего понятия, выраженного конкретным термином, автоматически устраняет его латентность. При этом, безусловно, следует опасаться неадекватной множественности законодательных дефиниций. Каждое определение, используемое в законе, должно быть подкреплено и обосновано именно *возможностью недопонимания* адресатом смысла понятия, что может предопределяться новизной соответствующего термина, сложностью содержания или иными специфическими аспектами его употребления в конкретном законодательном акте. Отсюда и практически единое мнение ученых о необходимости выборочного, осторожного подхода к определению того или иного термина в законодательном тексте. Об этом, в частности, пишет Г.Т.Чернобель, обосновывая тезис о том, что «излишние дефиниции не нужны в законодательстве»¹. На этот же факт обращают внимание В.Кнапп и А.Герлох, указывая, что «иногда при наличии чрезмерного количества определений и при небрежной их выработке, значение определения может стать парадоксальным: чем больше понятия определяются, тем менее ясными они являются».² Обоснованно категорична во мнении и Е.А.Юртаева, отмечая, что «в федеральных законах навязываются определения общеупотребительных слов и выражений, при этом чаще всего бывает, что включение их в текст закона преследует не практическую цель – обеспечить содержательное восприятие текста, а оформительскую, «экстерьерную» - снабдить текст закона дефинициями, не несущими какой-либо дополнительной содержательной, нормативной, иной полезной нагрузки».³

Поэтому, очевидно, что количество законодательных дефиниций не должно быть чрезмерным. Необходимо повышенное внимание субъектов

---

¹ Чернобель Г.Т. *Правовые понятия и их применение в законах / В кн.: Законодательная техника. Научно-практическое пособие.* – М.: Городец, 2000. – С. 83.

² Кнапп В., Герлох А. *Логика в правовом сознании / Пер. с чешск.* – М., 1987. – С.279.

³ Юртаева Е.А. *Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права.* – 2006, № 5. – С.18.

законотворческой деятельности к тому, какие термины разъясняются в тексте закона, а самое главное, как они интерпретируются. Очевидно, что в некоторых законах вполне возможно обойтись без определений общеизвестных терминов, которые не меняют своего первоначального смысла в новых условиях. Например, с нашей точки зрения, лишними являются законодательные определения таких терминов, как «физические лица» («граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства») в Налоговом кодексе Российской Федерации (ст.11)¹, «иностраный гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя» («иностраный гражданин, зарегистрированный в Российской Федерации в качестве индивидуального предпринимателя, осуществляющего деятельность без образования юридического лица») в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (ст.2),² «соглашение» («договоренность в письменной форме, содержащаяся в документе или нескольких документах, а также договоренность в устной форме») в Федеральном законе «О защите конкуренции» (ст.4),³ «платная автомобильная дорога» («автомобильная дорога, использование которой осуществляется на платной основе в соответствии с настоящим Федеральным законом») в Федеральном законе «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст.3).⁴

---

¹ *Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.*

² *Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.*

³ *Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть 1). Ст. 3434.*

⁴ *Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5553.*

Спорной представляется необходимость дефинирования таких терминов, как «международный стандарт» («стандарт, принятый международной организацией») и «национальный стандарт» («стандарт, утвержденный национальным органом Российской Федерации по стандартизации») в Федеральном законе «О техническом регулировании» (ст. 2).¹ Мы считаем, что вполне достаточно содержащегося в данном нормативном акте общего определения понятия, выраженного термином «стандарт», значение же терминов, характеризующих его видовую принадлежность, представляется вполне очевидным.

Иными словами, смысл всех приведенных терминов ясен и без дополнительного пояснения. Поэтому их законодательные определения являются плеоназмами, то есть словесными излишествами, не несущими необходимой смысловой нагрузки и загромождающими нормативный текст.

В этой связи, востребованным является формулирование критериев необходимости дефиниций в конкретных законодательных случаях.

Подчеркнем, что в ракурсе данной проблемы научная юридическая среда изобилует индивидуальными мнениями. Приведем некоторые из них.

Нисколько не потеряли актуальности правила определения понятий, выраженных соответствующими терминами, в тексте закона, обоснованные П.И.Люблинским еще в начале XX века. По мнению автора: «1. Определение должно иметь место только тогда, когда оно удовлетворяет определенным практическим потребностям, но не чисто теоретическим интересам... 4. В тех случаях, когда законодательное понятие вполне по содержанию совпадает с общежитским, не следует давать определений, предоставив этому понятию свободно развиваться... 6. Всякий искусственный термин должен быть определен законодателем прямо или косвенно...».² С точки зрения А.Нашиц, «потребность в определении используемых терминов проявляется,

---

¹ Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 52 (часть 1). Ст. 5140.

² Подробнее см.: Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Под ред. и с предисловием проф. В.А.Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – С.13-14.

естественно, наиболее явственно тогда, когда эти термины имеют в разных или даже в одной и той же отрасли права неодинаковое значение... или же, наоборот, когда для одного и того же понятия законодательство использует разные термины».¹ Анализируя современное законодательное пространство, Т.В.Губаева приходит к следующим выводам: «нормативные дефиниции необходимы в случаях, если: 1) понятие создано путем переосмысления общеупотребительного слова либо с использованием нетрадиционной лексики (редких, специальных или иностранных слов, в том числе юридических терминов; 2) понятие оформлено с помощью слов, которые слишком часто употребляются в обычной речи и вызывают множественные смысловые ассоциации; 3) с учетом целей проектируемого нормативного правового акта данное понятие специфично; 4) понятие по-разному трактуется юридической наукой и практикой».² Е.В.Сырых акцентирует внимание на том, что в тексте закона понятия следует определять в случаях, когда: «1) понятие является основополагающим для соответствующего закона; 2) вводится новое правовое понятие либо понятие заимствуется из правовой науки; 3) в действующих законах содержатся неточные легальные дефиниции; 4) понятие заимствуется из неюридических наук (в исключительных случаях)».³ С.К.Магомедов также отмечает, что законодательная дефиниция необходима, если «термин обозначает объекты, отношения, явления или процессы, которые раньше не находили отражения в законодательстве Российской Федерации».⁴

На основе имеющихся позиций, касающихся правил (критериев) необходимости законодательной дефиниции, представим собственное видение данной проблемы.

---

¹ *Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / Под ред. чл.-корр. АН СССР Д.А.Керимова. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – С.195.*

² *Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Норма, 2003. – С.68.*

³ *Сырых Е.В. Общие критерии качества закона. – Дисс.. канд. юрид. наук. – М., 2001. – С. 100.*

⁴ *Магомедов С.К. Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России // Журнал российского права. – 2004, № 3. – С.28.*

Во-первых, считаем, что следует определять, прежде всего, основополагающие для соответствующего законодательного акта термины, которые имеют системообразующий характер, являются «ядром» используемой в законодательном акте терминологии. Например, для Федерального закона «Об экспортном контроле»¹ такими терминами являются «внешнеэкономическая деятельность», «экспортный контроль», для Федерального закона «О саморегулируемых организациях»² - это термины «саморегулирование», «саморегулируемая организация» и т.д.

Во-вторых, необходимо давать определения собственно юридическим терминам, а также специальным терминам, заимствованным из других областей знания. Особенно тем, которые являются новациями для языка российских законов. Данное положение следует воспринимать априори, поскольку всякое специальное слово, внедренное в законодательный текст, требует своего немедленного пояснения. Большинству заинтересованных пользователей трудно было бы без дефиниций правильно уяснить для себя смысл таких специальных юридических терминов, как «аваль», «суброгация» (определения даны, соответственно, в ст.ст. 881 и 965 Гражданского кодекса Российской Федерации³), «диспач», «диспаша», «диспашер» (дефиниции изложены в ст.ст. 133 и 305 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации⁴), а также таких терминов других областей знания, используемых в юридическом языке, как «конверсия радиочастотного спектра», «трафик» (определения представлены в статье 2 Федерального закона «О связи»⁵) или, например «калибровка средств измерений», «эталон единицы величины»

---

¹ Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 30. Ст. 3774.

² Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6076.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст.410.

⁴ Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207.

⁵ Федеральный закон от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.

(дефиниции содержатся в ст. 2 Федерального закона «Об обеспечении единства измерений»¹).

В-третьих, всякая множественность актуализации понятия также должна считаться весомой предпосылкой для введения дефиниции, указывающей, в каком именно значении данное понятие следует воспринимать в соответствующем законодательном контексте. В данном случае любая возможность неадекватного восприятия понятия, выраженного соответствующим термином, должна пресекаться с помощью законодательного определения.

При решении вопроса о необходимости определения понятия, выраженного соответствующим термином, следует объективно оценивать потребности законодательного текста, учитывая даже малейшую возможность недопонимания его смысла пользователями. Если же риск неадекватного восприятия содержания понятия есть, то необходимость в дефиниции, с нашей точки зрения, очевидна.

Отметим, что в рамках данной работы нами сознательно не было акцентировано внимание на методике построения и видах дефиниций, а также на детальном языковых особенностях, присущих законодательным определениям. В настоящее время по указанным направлениям накоплен достаточно большой аналитический опыт, причем основными здесь являются изыскания лингвистического и логического характера, к предмету исследования которых в большей степени и относятся вопросы структуры и языкового оформления дефиниций.²

---

¹ Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2008. № 26. Ст.3021.

² См.: Асмус В.Ф. *Логика*. – М.: Едиториал УРСС, 2001; Волкова И.Н. *Стандартизация научно-технической терминологии*. – М., 1984; Горский Д.П. *Определение (логико-методологические проблемы)*. – М.: Мысль, 1974; Дальберг И. *О структуре определений // Материалы Международного симпозиума «Теоретические и методологические вопросы терминологии»*. – М., 1979. – С.41-45; Попа К. *Теория определения*. – М., 1976; Суперанская А.В, Подольская Н.В., Васильева Н.В. *Общая терминология. Вопросы теории*. / Отв. ред. Т.Л.Канделаки. – М.: Едиториал УРСС, 2004; Чиннова М.В. *Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах*. Дисс... канд. юрид. наук. – М., 2004 и др.

1.2. Принципы законодательных дефиниций

Существование любого объекта реальной действительности основано на отправных, руководящих началах, которые являются своеобразной системой координат для его перманентного развития. Наличие принципов для различных сфер правовой действительности – это также объективное, обусловленное очевидной необходимостью бытия, явление.

На определенных принципах должны основываться и законодательные дефиниции, которые являются частью правовой материи и облачены в форму особых нормативных предписаний. В юридической науке пока не выработано четкой системы таких принципов, что не может не сказываться на качестве разрабатываемых законодательных определений, а значит, и на качестве законов в целом.

Дефиниции обладают неоценимыми свойствами разъясняющего, конкретизирующего толка. По замечанию Д.А.Керимова, «использование в законе точных специальных терминов и понятий вовсе не делает его непонятным, если в самом законе даются определения этим терминам и понятиям»,¹ а формулирование общих, единых принципов для дефиниций, используемых в законодательном тексте, усиливает этот позитивный эффект, являясь одной из главных предпосылок для достижения логичности и прозрачности юридических норм.

Определение данных принципов (основополагающих начал) находится в прочной взаимосвязи с императивными требованиями правовой объективизации дефиниций, задействованных в тексте закона.

Эффективная реализация государственной воли, которая осуществляется с помощью различных регуляторов, в частности, посредством нормативных предписаний, предполагает наличие системы требований, предъявляемых к каждому из них. Данная система является

---

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. – М., 1998. – С. 59.

фундаментом их функционирования. Такие требования выдвигаются и по отношению к содержанию законодательных дефиниций. И здесь следует отметить, что, несмотря на наличие определенных научных разработок в этой области, ни в одном из специализированных официальных или неофициальных (рекомендательных) актов, системы требований к содержанию законодательных дефиниций не содержится. Данное упущение основано на укрепившейся недооценке роли законодательных определений в сфере правового регулирования, которая является прямой предпосылкой потери эффективности нормативного акта, а значит, служит основой для трудностей и ошибок при реализации правовых норм. А между тем, как верно заметила И.Л.Бачило, «выбор категорий, понятий и правовых дефиниций в проектах законов и иных нормативных правовых актов самым непосредственным образом касается содержания акта, его идеологии и методов решения задач государственного значения через механизмы правового регулирования».¹ Мы поддерживаем это мнение и полагаем, что отвлеченность от проблем языкового выражения юридических норм недопустима. Ведь закон, по выражению Папиниана, есть «общее (для всех граждан) обещание государства».² Обещание, закрепленное в письменной форме, с помощью определенных языковых средств, которые как раз и являются его выразителями. И роль законодательных дефиниций здесь очевидна – они должны раскрывать детали данного государством обещания, тем самым активно способствуя его позитивной реализации в общественной жизни.

Поэтому считаем целесообразным остановиться на исследовании конструктивных, целеполагающих начал функционирования дефиниций, задействованных в законодательных актах. А именно, проанализировать существующие научные концепции, посвященные разработке требований к

---

¹ Бачило И.Л. *О методологии и юридической технике законотворчества* // *Государство и право*. – 2006, № 6. – С. 18.

² *Дигесты Юстиниана* // *Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С.Перетерского*. – М.: Наука, 1984. – С. 31.

их содержанию, и на основе общей совокупности действенных правил, сформулировать систему принципов законодательных дефиниций. Полагаем, что она может быть востребована и в правовой теории, и в практической деятельности, в частности, в законотворческом процессе.

Дефиниция – это способ реализации мысли, применяемый в различных областях знания. Поэтому следует начать с представления тех требований к формулированию и содержанию дефиниций, которые имеют наиболее общий характер и составляют своеобразный базис для любого исследования. В частности, продуктивной и наиболее полной представляется система требований к дефинициям научно-технических терминов, сформулированная И.Н.Волковой. Акцентируем внимание на основных аспектах авторской парадигмы, обладающих универсальными свойствами:

1. Дефиниция научно-технического понятия должна содержать только его существенные признаки, необходимые и достаточные для его идентификации и выделения из ряда других понятий.

2. Дефиниция должна быть адекватной, соразмерной дефинируемому понятию, т.е. строго соответствовать его объему.

3. Дефиниция должна быть системной содержательно, лексически и синтаксически, т.е. словесно отражать место понятия в понятийной системе, указывать на вид связей, на отношения с ближайшими понятиями.

4. Дефиниция не должна быть тавтологической, т.е. содержать только те признаки, которые уже отражены в буквальном значении термина.

5. Дефиниция не должна содержать логического круга, при котором одно понятие определяется через другое, которое, в свою очередь, объясняется через первое.

6. Дефиниция должна быть лингвистически правильной, т.е. соответствовать нормам того языка, на котором она дана.

...8. Дефиниция должна быть краткой. Многословность дефиниции свидетельствует о недостаточно четкой систематизации понятий.¹

Отметим, что данные требования вполне применимы и к дефинициям, задействованным в законодательном тексте (безусловно, не являясь при этом исчерпывающими), что еще раз доказывает существование общих связей среди различных наук и объектов.

По отношению к законодательным дефинициям, обращают на себя внимание две системы требований, сформулированных различными учеными. Первая из них определена Г.Т.Чернобель. По мнению исследователя, определения должны «1) с оптимальной адекватностью отражать сущность дефинируемого явления; 2) иметь конвенциональный характер, т.е. базироваться на определенном научном признании, консенсусе; 3) быть дискурсивными, т.е. находиться в определенном логическом сцеплении с предшествующими общепризнанными или устоявшимися дефинициями действующего законодательства».² Отметим, что данные требования имеют глубинный философско-правовой смысл, но при этом Г.Т.Чернобель не акцентирует внимание на некоторых содержательных (логико-лингвистических) аспектах существования законодательных дефиниций, которые, хотя и являются в большей степени объектами исследований других («материнских» для них) наук, но, с нашей точки зрения, также требуют своей наиболее общей объективизации в праве.

М.В.Чиннова, являясь автором другой совокупности требований, предъявляемых к законодательным дефинициям, разбивает их на три взаимосвязанные группы, основанные на различных свойствах определений понятий: филологические (стилистические, терминологические и синтаксические правила), фактические (определяющее должно содержать существенные признаки определяемого; определение понятия должно

---

¹ Волкова И.Н. *Стандартизация научно-технической терминологии*. – М., 1984. – С.41-45.

² Чернобель Г.Т. *Правовые понятия и их применение в законах / В кн.: Законодательная техника. Научно-практическое пособие*. – М.: Городец, 2000. – С. 81.

осуществляться через термины, значения которых уже известны, более ясны и понятны, чем значение определяемого; требование «неотрицательного» определения) и логические (правило взаимозаменяемости (или переводимости); правило полноты определения; правило запрета порочного круга; правило непротиворечия; правило однозначности).¹ В представленной системе, которая, безусловно, характеризуется довольно широким спектром требований, обобщающих, прежде всего, различные лингвистические и логические аспекты существования и содержания дефиниций, наоборот практически не уделяется внимания их правовым особенностям, специфике функционирования в законодательных актах. А это является необходимым условием для идентификации законодательных определений в общей дефинитивной среде, и, кроме этого, позволяет узреть характерные только им проблемы функционирования, постараться нейтрализовать данные проблемы с помощью специально установленных правил.

Наличие научно разработанных и системно упорядоченных требований к дефинициям, объективированным в законодательных актах, безусловно, является позитивным явлением в теории права, даже несмотря на небесспорный характер отдельных аспектов их существования. При этом нам представляется, что акцент на особенностях функционирования законодательных определений должен быть усилен. Такое усиление возможно только с помощью формулирования системы принципов, которые выполняли бы руководящую функцию при конструировании текста дефиниции. Полагаем, что она должна основываться на «работающих» требованиях, которые предъявляются к законодательной дефиниции, быть спектральной, но компактной, то есть удобной для использования в законотворческом процессе. Тем самым система принципов законодательных дефиниций обязана давать возможность лицам, работающим с законопроектами, четко видеть перспективную сущность выстраиваемой

---

¹ См.: Чиннова М.В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах. Дисс... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 107-130.

конструкции определения понятия, являться опорой для творческого подхода в этом направлении. Д.А.Керимов точно подметил, что «создание законов – дело сугубо творческое, и, как любой творческий процесс, предполагает серьезное, вдумчивое и ответственное к себе отношение».¹

С нашей точки зрения, система принципов законодательных дефиниций включает:

1. Принцип правовой безупречности.
2. Принцип адекватного отражения сути понятия.
3. Принцип системности.
4. Принцип краткости формы и полноты содержания.
5. Принцип логичного изложения.
6. Принцип лингво-стилистической грамотности.

Представим краткую характеристику каждого из сформулированных нами принципов.

1. Принцип правовой безупречности.

Это общий принцип, вытекающий из идеального, философского понимания закона как объекта, изначально предназначенного регулировать отношения в обществе, которые в своей совокупности являются основой существования человечества. Следовательно, закон обязан быть безупречным во всех аспектах, и в первую очередь – в правовом аспекте. Дефиниции в своем проявлении являются частью закона, поэтому на них также распространяется это идеальное свойство закона. В связи с этим, законодательные определения терминов не имеют права быть коллизионными, то есть они не должны противоречить уже имеющимся дефинициям, а также существующим правовым нормам.

2. Принцип адекватного отражения сути понятия.

Архитектоника законодательной дефиниции должна позволять каждому заинтересованному пользователю увидеть все то, что ему

---

¹ Керимов Д.А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. – М., 1998. – С. 16.

необходимо для последовательной и эффективной работы с определяемым термином. Поэтому в дефиниции должно быть адекватно и наиболее полно отражено содержание соответствующего понятия.

Заметим, что при реализации данного принципа зачастую встает проблема неоднозначного видения сути понятия различными субъектами законотворческого процесса. Например, разработчик законопроекта, включая конкретный термин в текст своего «детища», реализует его с помощью одной дефиниции, эксперт же при оценке данного законопроекта может увидеть в этом определении совершенно иной смысл, депутаты соответствующего законодательного органа вполне могут акцентировать внимание на незамеченных предыдущими субъектами содержательных аспектах исследуемой законодательной дефиниции. Кроме этого, не исключено появление индивидуальных мнений и в юридическом научном мире, и среди правоприменителей. Идеальной моделью выхода из подобной ситуации является придание дефиниции конвенционального статуса, о чем пишет Г.Т.Чернобель.¹ Однако, к сожалению, такое решение изначально возможно далеко не всегда. Существует очевидная проблема лоббирования дефиниций, когда понятия трактуются исходя из интересов наиболее заинтересованных субъектов. Но, при этом, истинность сути понятия определяется временем, поэтому именно со временем каждая трактовка того или иного термина все-таки приближается к идеальной.

3. Принцип системности.

Данный принцип подразумевает объективное и полноценное функционирование каждой законодательной дефиниции в единой системе. Это обусловлено тождественными свойствами определений, их общей логической структурой. Система законодательных дефиниций проявляет себя точно также как и юридическая терминологическая система, ведь в большинстве случаев дефиниции следуют за терминами, являются их тенью.

---

¹ См.: Чернобель Г.Т. *Правовые понятия и их применение в законах / В кн.: Законодательная техника. Научно-практическое пособие.* – М.: Городец, 2000. – С. 81.

Поэтому и в данной системе присутствуют, к примеру, свои взаимосвязанные и взаимозависимые дефинитивные ряды, характеризующиеся определенной иерархией. Особенно важным аспектом в данном случае является согласованность дефиниций между собой, их непротиворечивость. Как показывает исследование современного российского законодательства, проблемы в данном отношении есть, причем некоторые из них имеют довольно существенный характер, негативно сказывающийся на процессе реализации юридических норм. В этой связи, в настоящее время действительно назрела необходимость инвентаризации законодательных дефиниций, нужен их системный анализ, который позволил бы внимательно и вдумчиво оценить все существующие варианты трактовки понятия в различных законодательных источниках, выявить несоответствия, мешающие эффективному правовому регулированию, и устранить их.

4. Принцип краткости формы и полноты содержания.

Выделение этого принципа, также как и в первом случае, основано на корреляционной связи права и философии. Форма и содержание – это две неотделимые друг от друга категории, которые одинаково важны для любого объекта правовой действительности. Законодательные дефиниции следует облачать в краткую форму, которая способствует объективной экономии языковых средств и служит удобным элементом восприятия нормативного предписания. Вместе с тем, акцентируем внимание на том, что краткость в формулировании дефиниции обязана иметь разумные границы, ни в коем случае не деформировать содержание понятия, отражать его сущностные аспекты, которые позволяют идентифицировать данное понятие в понятийной системе, что необходимо для стабильного и эффективного функционирования каждой дефиниции в тексте закона.

В логике есть действенное правило, в соответствии с которым термин и дефиниция взаимозаменяемы в любом контексте, поэтому они должны быть взаимозаменяемы и в контексте законодательного акта. Актуальна в данном отношении мысль П.И.Люблинского о возможности смысловой

растяжимости законодательной дефиниции, то есть ее способности охватывать основные проявления сути понятия. Но при этом, по его мнению, дефиниции «не должны переходить в так называемые «каучуковые постановления», которые можно растягивать в любом направлении».¹ Поэтому существенные признаки определяемого понятия следует выразить как можно четче, систематизируя и упорядочивая слова и словосочетания. Сочетание краткости формы и полноты содержания законодательных дефиниций является основой для их эффективного использования.

5. Принцип логичного изложения.

Данный принцип отражается в установлении и укреплении логических связей внутри самого определения, он основывается на последовательности его изложения. В содержании законодательной дефиниции нет места для логических противоречий, а значит, - каждое последующее должно быть продолжением предыдущего, вытекать из его сути, существовать во взаимосвязи с ним, а не отрицая его. Поэтому следует выстраивать логичные словесные ряды, в которых каждое слово находится на своем месте, помогая реализоваться другому слову, определяя тем самым общую суть фразы, предложения. В законодательном определении недопустима тавтология, которая выражается в определении понятия через самого же себя. По точному замечанию Т.Гоббса, «имя, которому дают определение, не должно повторяться в самом определении. Ибо то, чему должно быть дано определение, есть сложное целое; определение же есть разложение сложного на части, а целое не может быть частью самого себя».²

6. Принцип лингво-стилистической грамотности.

Сформулированная в окончательной форме законодательная дефиниция должна характеризоваться грамотностью в своем изложении, а значит, соответствовать всем нормам современного русского языка. В данном случае важно, прежде всего, соблюдение лексико-стилистических

---

¹ Люблинский П.И. *Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса*. – М.: Изд-во «Зерцало», 2004. – С.13.

² Гоббс Т. *Сочинения. В 2-х томах*. – М.: Изд-во «Мысль», 1989. - Т.1. – С.132.

норм литературного языка, в частности, требований к современной терминологии. Законодательную дефиницию следует выстраивать таким образом, чтобы задействованные в ее текстовой основе термины преимущественно употреблялись в том смысле, в котором они известны потенциальному пользователю, без дополнительных пояснений к ним. Прав М.Баудиш, писавший о том, что вновь вводимому понятию следует давать дефиницию «посредством тех понятий (и терминов), которые уже определены и известны».¹

В итоге, законодательная дефиниция, сформулированная на основе данной системы принципов, должна восприниматься как объект, существующий во внутренней и внешней гармонии, действительно способствующий выражению законодательной мысли и отражающий основные свойства интерпретируемого понятия, востребованного правом. Только тогда определение понятия, представленное в тексте закона, будет являться действительным катализатором процесса укрепления качественных характеристик законодательного акта, опорой его юридической стабильности и основой для эффективности.

Безусловно, что определенная нами система принципов законодательных дефиниций не является постулатом, она выполняет функцию своеобразного «пробного камня» в правовой теории, и вполне очевидно, что данная проблема нуждается в научно-правовой дискуссии, в результате которой возможно будут выработаны и иные подходы к ее решению. Главное, чтобы законотворческий процесс в Российской Федерации и, в частности, процесс конструирования определений понятий, поднялся на новый уровень, характеризующийся позитивными результатами, что может являться следствием только одного, - минимизации проблем формы и содержания российских законов.

---

¹ Баудиш М. *Опыт Чехословакии в подготовке терминологических стандартов // Материалы Международного симпозиума «Теоретические и методологические вопросы терминологии».* – М., 1979. – С. 36.

1.3. Место дефиниций и наименование объекта определения в тексте закона

Каждый потенциальный пользователь на уровне своего первичного восприятия оценивает любой законодательный акт исходя, прежде всего, из двух аспектов: его названия, а также содержания основных юридических терминов, используемых в тексте данного акта.

Этот факт является одним из доказательств особой значимости законодательных дефиниций, он фиксирует высшую степень их влияния на все ступени познания и применения юридических норм.

Важность законодательных дефиниций для права предопределяет необходимость рассмотрения следующих вопросов, не имеющих пока единого решения в юридической науке и практике:

1. Где оптимальное место дефиниции в тексте закона?
2. Какое единое наименование объекта законодательного определения?

При ответе на первый вопрос, следует отметить, что в современном законотворческом процессе дефиниции могут быть помещены:

- а) в отдельной статье-словнике, традиционно вынесенной в начало законодательного акта (Градостроительный кодекс Российской Федерации (ст.1)¹, Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» (ст.2)² и др.);
- б) непосредственно по тексту закона (Гражданский кодекс Российской Федерации³, Федеральный закон «Об автономных учреждениях»⁴ и др.);

---

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть первая). Ст. 16.

² Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст.1755.

³ См., напр.: Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст.3301.

⁴ Федеральный закон от 03 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 45. Ст. 4626.

в) в преамбуле закона (Закон Российской Федерации «Об образовании»,¹ Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»²);

г) комплексно, - в отдельной статье-словнике и непосредственно по тексту закона (Федеральный закон «О рынке ценных бумаг»,³ Федеральный закон «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ и др.);

д) комплексно, - непосредственно по тексту закона и в примечаниях (Уголовный кодекс Российской Федерации⁵).

Чаще всего законодательные определения сконцентрированы в отдельной статье-словнике.

Формулирование тезауруса в начале законодательного акта, создает определенный исследовательский плацдарм, знакомит адресата с теми трактовками и содержательными направлениями, с учетом которых выстроена вся концепция закона. При этом сам вопрос, касающийся целесообразности помещения статьи-словника в текст закона до сих пор остается дискуссионным.

На современном этапе развития российского законодательства мнения по данному вопросу разделились. С одной стороны, например, А.И.Козулин, подмечает негативные особенности процесса создания статьи-словника, указывая, что «такой «толковый словарь» оказывается порой не средством, обеспечивающим однозначное понимание закона, а своеобразным введением,

---

¹ Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1797.

² Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766.

³ Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

⁴ Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5557.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

повествующим о соответствующей сфере социальной жизни»¹. С другой стороны, к примеру, М.Б.Кострова отстаивает позитивную направленность образования подобного нормативного словника, предлагая даже ввести специальный раздел, посвященный законодательным дефинициям в текст Уголовного кодекса Российской Федерации.² Поддерживает данный вектор и И.В.Москаленко, внося инициативу о дополнении дефинициями текст статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации.³ Отметим, что положение о целесообразности размещения определений основных понятий, выраженных соответствующими терминами, в начале законодательного акта закреплено, например, и в п. 17 Методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти.⁴ Отражена такая необходимость и в нормативных правовых актах сопредельных нам государств. Например, в п. 49 Правил подготовки нормативных правовых актов, утвержденных Указом Президента Республики Беларусь от 11.08.2003 г. № 359 отмечается, в частности, что «Определения наиболее важных терминов, используемых в проекте акта и являющихся общими для всех его нормативных предписаний, указываются в одной статье (пункте), обычно помещаемой в начале текста проекта акта».⁵

С нашей точки зрения, в законах некодифицированного толка, статья, которая расставляет понятийно-концептуальные акценты, действительно востребована и необходима. Объясняется это тем, что она способствует концентрации внимания потенциального пользователя, предоставляет ему

---

¹ Козулин А. И. О некоторых аспектах качества регионального закона // Государство и право – 2000, № 6. – С. 83.

² Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // Журнал российского права. – 2003, № 12. – С.83-84.

³ Москаленко И.В. Дефиниции в системе юридических средств механизма гражданско-правового регулирования // Право и образование. – 2005, № 1. – С.23.

⁴ Приказ Минюста РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ от 10 января 2001 г. N 3/51 «Об утверждении методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти» // Данный документ официально опубликован не был. При работе использовалась справочно-правовая система «Гарант».

⁵ Правила подготовки нормативных правовых актов, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 11.08.2003 г., № 359 / http://pravo.by/webnpa/text_txt.asp?RN=P30300359

возможность получить первичную информацию о законодательном акте, оценить его системный терминологический потенциал и определить путь дальнейшего исследования. Однако и здесь есть существенная проблема, связанная с определением совокупности тех терминов, которые следует включать в статью-словник, то есть с формулированием критерия подразделения используемых в законе терминов на основные и второстепенные. Отметим, что на практике выделение основной дефинитивной группы - это достаточно сложная задача, которая, к сожалению, не всегда находит свое адекватное решение. Так, например, в Федеральном законе «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»¹ само системообразующее понятие, выраженное термином «профсоюз», определяется не в статье 3, содержащей дефиниции основных терминов, а в статье 2 «Право на объединение в профсоюзы». Возникает вопрос, почему, например, юридический термин «обращение ценных бумаг», используемый в Федеральном законе «О рынке ценных бумаг»² относится к основным и определяется в статье-словнике (ст.2), а такие важнейшие термины, как «депозит», «депозитарий», «фондовая биржа» к основным не относятся и определяются при первом их упоминании?

По нашему мнению, критерий выделения терминов, которые следует определять в статье-словнике, должен основываться на двух принципах, не связанных между собой:

- 1) частотность употребления термина в законодательном тексте;
- 2) значимость термина для данного законодательного акта.

Должны включаться в статью-словник термины, задействованные во многих языковых конструкциях, с помощью которых определяются другие термины. Однако не менее важным представляется определение в нормативном тезаурусе и тех терминов, которые, может быть, не так часто

---

¹ Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 148.

² Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

встречаются в тексте, но играют особую, ключевую роль для данного закона. Например, в Основах законодательства Российской Федерации о культуре¹ не содержится определения самого термина «культура», который используется в законодательном тексте всего в двух статьях. При этом знаковый характер данного термина аксиоматичен. Кроме этого, с точки зрения качественного состава терминологии, подлежащей определению, отметим, что в статье-словнике преимущественно должен быть представлен специальный терминологический блок, то есть:

а) собственно юридические термины, которые могут создаваться усилиями представителей юридической науки и практики, а также путем терминологизации и транстерминологизации;²

б) специальные термины других областей знания, используемые в юридическом языке.

Существующая в настоящее время неопределенность при «сортировке» терминов особенно проявляется при формировании нормативного тезауруса кодифицированных законодательных актов.

Статья-словник в любом кодифицированном, а значит, достаточно крупном по объему законодательном акте, характеризующимся наличием множества терминов, с нашей точки зрения, лишь отягощает его текст. Поэтому считаем, что в данном случае в наличии такой статьи нет необходимости, гораздо выгоднее будет восприниматься определение ключевых терминов по месту их первого употребления. Однако, в настоящее время, статьи-словники всё чаще используются именно в кодифицированных законодательных актах. Такое расположение законодательных дефиниций характерно для Бюджетного кодекса Российской Федерации³, Налогового

---

¹ Закон Российской Федерации от 09 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 46. Ст. 2615.

² Подробнее см.: Туранин В.Ю. Транстерминологизация – новая проблема современного юридического языка // Право и политика. Научный юридический журнал. – 2005, № 2. – С.134-140.

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

кодекса Российской Федерации, Таможенного кодекса Российской Федерации¹ и Градостроительного кодексов Российской Федерации. Тем острее встает вопрос об обеспеченности данного действия соответствующим обоснованием, о формулировании единой позиции субъектов российского законотворческого процесса, касающейся места дефиниций в законодательном тексте.

С нашей точки зрения, все существующие варианты помещения дефиниций в законодательный текст должны быть приведены к двуединому началу: в кодифицированном законе дефиниции следует располагать по тексту (по мере первого появления соответствующего термина), а в некодифицированном законе – в статье-словнике, расположенной в начале каждого закона.

Кроме этого, с нашей точки зрения, нуждается в унификации название статьи-словника, используемой в законодательном тексте. В российском законодательстве нет единства в решении и этой проблемы. Так, например, в Федеральных законах «О коммерческой тайне»², «О кредитных историях»³ статьи-словники называются «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» (статья 3), в Федеральных законах «О сельскохозяйственной кооперации»⁴ и «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов»⁵ - «Основные понятия» (статья 1). В Бюджетном кодексе Российской Федерации название статьи-словника сформулировано как «Понятия и термины, применяемые в настоящем Кодексе» (статья 6), а статья 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и

---

¹ Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2066.

² Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283.

³ Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 44.

⁴ Федеральный закон от 08 декабря 1995 г. № 98-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4870.

⁵ Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5270.

гарантиях деятельности» именуется «Основные термины». Еще одним примером здесь является статья 3 Основ законодательства Российской Федерации о культуре, которая носит название «Основные понятия» с последующим пояснением, сформулированным как «Используемые в настоящих Основах термины означают...».

Что же в действительности определяется законодателем – понятия, термины, либо понятия и термины? Контуры данной проблемы мы обозначили в первом параграфе первой главы работы, где нами был сделан вывод о равной принадлежности дефиниции к понятию и к термину в случае выражения понятия термином.

При исследовании российского законодательства поставленный вопрос необходимо напрямую связывать с процессом унификации словесного материала, используемого в языке законов. Единство языковых средств российских законов должно начинаться с одинакового названия объектов, подлежащих определению в их текстах, и общего для всех законов названия статьи-словника.

Сразу заметим, что фактически не отражают действительной реалии такие языковые конструкции, в которых содержится указание на понятия или термины, а также на понятия и термины, без упоминания того, что вместе с ними в законодательном тексте представлены и их определения. Как отмечает Г.Т.Чернобель, «если обратиться непосредственно к тексту статей, те или иные понятия в них не просто называются, но дефинируются»¹.

Кроме этого считаем, что однозначно недопустима в тексте закона такая формулировка, как «Понятия и термины, используемые в настоящем законе». В данном случае у каждого заинтересованного лица может возникнуть вопрос, касающийся разграничения этих двух категорий, как в тексте статьи-словника, так и в тексте всего законодательного акта. Ответить же на него будет достаточно непросто, поскольку выявление сути понятия в тексте

---

¹ Чернобель Г.Т. *Правовые понятия и их применение в законах / В кн.: Законодательная техника. Научно-практическое пособие.* – М.: Городец, 2000. – С. 82.

закона может происходить (и в абсолютном большинстве случаев происходит) как раз при посредничестве термина, воплощая явление в слово. Поэтому в качестве основных объектов определения в законодательном тексте следует воспринимать именно термины (видимые объекты), а не понятия (абстракции).

В статью-словник включаются только термины, несмотря на присутствие в тексте закона и слов, которые терминами не являются. Последние, в основном, имеют вспомогательное значение, являются в своей совокупности связующим звеном, используемым в юридическом языке для наиболее точного раскрытия содержания понятий, выраженных соответствующими терминами.

В этой связи, предлагаем следующий вариант названия статьи-словника: *«термины, используемые в настоящем законе, и их определения»*.

Очевидно, что унификация наименования объекта определения в тексте закона и использование единого названия статьи-словника в российском законодательстве позволит существенно повысить качество формальной стороны законотворческого процесса, добавит логичности и грамотности в использовании его субъектами языковых средств.

ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДЕФИНИЦИЙ В ФЕДЕРАЛЬНОМ И РЕГИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

2.1. Дефиниции в федеральном законодательстве: проблемы содержания и формы

Наряду с исследованием теоретических свойств законодательных дефиниций, актуальным представляется анализ практики их использования. При этом, как верно заметил В.М.Баранов, «важным видится решение вопроса качества формулирования дефиниций».¹ Поэтому начать здесь следует с выявления характерных (проблемных) ситуаций, возникающих при употреблении дефиниций в федеральном законодательстве, отрицательно влияющих на их качество и качество законов в целом.

С нашей точки зрения, особое внимание необходимо обратить на следующие проблемы содержания и формы законодательных дефиниций:

- 1) содержательная неточность дефиниции;
- 2) тавтология;
- 3) несоответствие дефиниции современной сути понятия (термина);
- 4) неоправданная многословность дефиниции;
- 5) наличие разных определений одного и того же термина в различных законодательных актах.

Это своеобразные проблемы-маяки, наиболее крупные концептуально-исследовательские объекты, побуждающие к формированию различных позиций и мнений. В некоторых нормативных ситуациях они существуют индивидуально, в некоторых же – в комплексе, взаимодействуя друг с другом. При этом каждая из выделенных проблем, так или иначе, идет

---

¹ Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / Под ред. проф. В.М.Баранова, проф. П.С.Пацуркивского, к.ю.н. Г.О.Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С.46.

вразрез с определенной нами выше системой принципов законодательных дефиниций.

Проиллюстрируем реальность наличия данных проблем в российском федеральном законодательстве на конкретных примерах.

1. Содержательная неточность дефиниции.

Данная проблема связана с несоответствием дефиниций сути определяемых понятий (терминов). Так, например, в статье 3 Федерального закона «О розничных рынках и внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», такой термин, как «деятельность по продаже товаров (выполнению работ, оказанию услуг) на розничном рынке» трактуется как «продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг, осуществляемые соответственно по договору розничной купли-продажи и договору бытового подряда».¹ При этом очевидно (и это следует из содержания глав 30 и 37 ГК РФ), что продажа товаров возможна только по договору розничной купли-продажи, и, соответственно, невозможна по договору бытового подряда. Также, как и выполнение работ и оказание услуг возможно только по договору бытового подряда и невозможно по договору розничной купли-продажи. Поэтому в тексте определения термина «деятельность по продаже товаров (выполнению работ, оказанию услуг) на розничном рынке» необходимо было вместо соединительного союза «и» употребить разделительный союз «или»: «продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг, осуществляемые соответственно по договору розничной купли-продажи *или* договору бытового подряда».

Кроме этого, неточно, с нашей точки зрения, сформулирована дефиниция юридического термина «коммерческая тайна» в статье 3 Федерального закона «О коммерческой тайне». Один из основных терминов определяется как «режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах

---

¹ *Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 271-ФЗ «О розничных рынках и внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (часть 1). Ст. 34.*

увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду».¹ Обратим внимание на ключевую связку «коммерческая тайна – это режим конфиденциальности информации». Иными словами, получается, что коммерческая тайна представляет собой не саму информацию, потенциально являющуюся конфиденциальной, как то по сути устанавливает статья 139 ГК РФ, а порядок или условия, при которых информация является конфиденциальной, что отражает суть формулировки «режим конфиденциальности информации». Возникает вопрос, а как же быть тогда с терминами «информация, составляющая коммерческую тайну», «обладатель информации, составляющей коммерческую тайну», которые активно употребляются в законе и по своей сути должны корреспондировать основному термину – «коммерческая тайна»? На деле получается, что они не соотносятся друг с другом. Кроме этого, с нашей точки зрения, не режим конфиденциальности информации позволяет ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов и т.д., а *знание* данной информации, владение ею.

Отметим, что информация является ключевым звеном и в общепринятой (словарной) трактовке термина «тайна», в соответствии с которой тайна может восприниматься как «нечто, скрываемое от других, известное не всем» или, например, как «сведения, знания, приемы, неизвестные непосвященным».² Поэтому, в соответствии с нашим представлением о сути исследуемого понятия, при определении термина «коммерческая тайна» следует сделать акцент не на режиме конфиденциальности, а на самой информации, указав при этом в тексте закона, что «коммерческая тайна – это конфиденциальная информация, знание которой позволяет ее обладателю при существующих или возможных

---

¹ Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283.

² Большой толковый словарь русского языка (БТС) / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Спб.: Норинт, 1998. – С. 1302-1303.

обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду».

Допущена существенная неточность при разъяснении смысла одного из ключевых терминов и в Федеральном законе «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».¹ Так, в статье 1 указанного закона термин «инвестиции» определяется как «денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта». Как следует из данной законодательной дефиниции, инвестиции необходимо понимать как отдельные объекты гражданских прав, вкладываемые в определенную деятельность (прежде всего, предпринимательскую) в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.² Однако если исходить из сущности инвестиций, опираться на известные корни данного термина, можно сделать вывод о том, что инвестиции – это не то, что вкладывается, это сам процесс вложения.

Следуя словарному толкованию, термин «инвестиция» понимается как «долгосрочное вложение капитала в какие-либо предприятия».³

---

¹ Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1999. № 9. Ст. 1096.

² Примечательно, что в Законе РСФСР от 26 июня 1991 года № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР», действующем в части норм, не противоречащих Федеральному закону «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», при определении термина «инвестиции» используется формула «в целях получения прибыли (дохода) и достижения положительного социального эффекта». Как мы видим, социальный характер достигаемого эффекта от инвестиционной деятельности в трактовке Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» утерян.

³ *Новейший словарь иностранных слов и выражений*. – Москва-Минск, 2002. – С.336. Хотя, отметим, что данное определение несколько неточно отражает суть инвестиций, поскольку они могут быть как долгосрочными, так и средне-, а также краткосрочными.

Первоначальное значение данного термина (термин «инвестиция» образован от лат. *investio* – облачаю) также свидетельствует о процессе, о динамике, а не о конкретных предметах. Данную позицию поддерживают и ученые, занимающиеся исследованием инвестиционного процесса. В частности, Л.Л.Игонина определяет инвестиции как «вложение капитала в объекты предпринимательской и/или иной деятельности в целях получения прибыли и/или достижения иного полезного эффекта».¹

На основании изложенного, полагаем, что законодательная дефиниция термина «инвестиции» подлежит корректировке. С нашей точки зрения, инвестиции – это процесс вложения денег, ценных бумаг, иного имущества, в том числе имущественных и других прав, имеющих денежную оценку, в объекты предпринимательской и (или) другой деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.

Исходя из проведенного анализа некоторых законодательных дефиниций видно, что неточность их формулирования вполне может являться источником для существенных ошибок в правоприменении.

2. Тавтология.

Неточность дефиниций лишь может являться источником для правовых ошибок, а тавтология при определении терминов, используемых в законах, уже является правовой ошибкой. Тавтологическое определение понятия может быть как результатом прямой ошибки, являющейся следствием недостаточно высокой квалификации разработчиков и лиц, отвечающих за итоговое качество законопроекта, так и примером воплощения ошибочного мнения данных лиц о невозможности раскрытия содержания того или иного понятия иначе как с помощью его определения через самого себя.

Придерживаясь мнения, касающегося необходимости существования каждой законодательной дефиниции исключительно в виде логически выверенной правовой формулы, отражающей и раскрывающей совокупность

---

¹ Игонина Л.Л. *Инвестиции* / Под ред. проф. В.А.Слепова. – М.: *Экономистъ*, 2003. – С.435.

существенных признаков понятия, обратим внимание на некоторые проблемные случаи.

Так, в части 3 статьи 5 Земельного кодекса Российской Федерации термин «собственники земельных участков» определяется как «лица, являющиеся собственниками земельных участков».¹ Очевидно, что представленная дефиниция основана на тавтологии, не позволяющей выявить существенные признаки определяемого понятия. Она не несет необходимой правовой нагрузки, а лишь «уточняет» понятие с помощью не подкрепленных правовым смыслом (а, следовательно, лишних) слов.

С нашей точки зрения, дефиниция термина «собственники земельных участков», являющегося одним из ключевых для земельного права, должна быть сформулирована с учетом охвата и содержания самого понятия, выраженного термином «собственник», и содержания понятия, выраженного термином «земельный участок». Поэтому необходимо обратить внимание на два ключевых момента.

Во-первых, исходя из гражданско-правовой сущности института права собственности следует, что основным содержательным элементом понятия, выраженного термином «собственник» является возможность лица обладать триадой правомочий – правами владения, пользования и распоряжения по отношению к принадлежащему ему на праве собственности объекту.

Во-вторых, земельный участок в данном случае, как нам представляется, необходимо воспринимать не иначе как в качестве объекта земельных правоотношений, определенного в статье 6 ЗК РФ («часть поверхности земли (в том числе почвенный слой), границы которого описаны и удостоверены в установленном порядке»).

На этом основании мы можем предложить следующую дефиницию исследуемого термина: «собственники земельных участков – это лица, обладающие правами владения, пользования и распоряжения земельными

---

¹ *Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.*

участками как объектами земельных правоотношений, которые вправе по своему усмотрению совершать в отношении данных земельных участков любые действия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц».

Похожая по своему содержанию ситуация наблюдается и при определении термина «субъекты профессиональной деятельности» в Федеральном законе «О саморегулируемых организациях». В части 3 статьи 2 данного законодательного акта закрепляется, в частности, что субъекты профессиональной деятельности – это «физические лица, осуществляющие профессиональную деятельность, регулируемую в соответствии с федеральными законами».¹

Не проводя подробный анализ представленной дефиниции, отметим лишь, что для исключения тавтологии, как и в предыдущем случае, с нашей точки зрения, следовало раскрыть сущность определяемого понятия, то есть указать, что именно должно являться профессиональной деятельностью в ее законодательном понимании.

В статье 3 Федерального закона «О розничных рынках и внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации», такой ключевой термин, как «управляющая рынком компания» трактуется как «юридическое лицо, которому принадлежит рынок, которое состоит на учете в налоговом органе по месту нахождения рынка и имеет разрешение на право организации рынка, полученное в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».² В данном случае законодательная дефиниция изобилует неоправданными повторами некоторых слов, что стилистически ошибочно и также придает ей тавтологический характер.

---

¹ Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6076.

² Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 271-ФЗ «О розничных рынках и внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (часть 1). Ст. 34.

С нашей точки зрения, грамотнее было бы определить термин «управляющая рынком компания» как «юридическое лицо, владеющее рынком, состоящее на учете в налоговом органе по месту нахождения данного рынка и имеющее разрешение на право его организации, полученное в порядке, установленном Правительством Российской Федерации».

Отметим, что это лишь некоторые примеры существования тавтологии в российском законодательстве. Таких случаев значительно больше. Проведенный анализ показал, что тавтология в настоящее время, к сожалению, стала неотъемлемым элементом текстов многих правовых норм и достаточно распространенным явлением при построении законодательных дефиниций.

Поэтому важно оптимальное сочетание правовой насыщенности закона и его безошибочного словесного выражения. В каждом конкретном случае следует скрупулёзно оценивать влияние каждого слова на итоговый смысл излагаемого нормативного предписания, не допускать неоправданных словесных повторов, создавая тем самым благоприятные условия для ясного понимания пользователем содержания каждого законодательного акта.

Кроме этого, при формулировании законодательной дефиниции нужно как можно шире использовать возможности русского языка, не останавливаясь лишь на словесных «штампах», сложившихся в юридической науке и практике. Здесь применимы такие приемы, как использование синонимов, детализирование определяемого понятия или, наоборот, устранение лишних слов.

3. Несоответствие дефиниции современной сути понятия (термина).

Содержание понятия, а, следовательно, и термина, являет собой довольно изменчивую материю, реагирующую на трансформацию общественного сознания. Поэтому мы говорим именно о выражении современной сути понятия, то есть того его вектора, который, исходя из существующих реалий жизненного процесса, наиболее точно передает смысл данной конкретной понятийной субстанции. Несоответствие же

законодательной дефиниции заданному понятием (термином) направлению, безусловно, является отрицательно действенной предпосылкой для адекватного понимания того или иного законодательного установления каждым заинтересованным лицом. Попробуем проанализировать представленную ситуацию на конкретных примерах.

Так, полагаем, что трактовка такого термина, как «средство массовой информации», закрепленная в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации» и не подвергавшаяся изменению с момента его принятия (то есть с 1991 года), в настоящее время значительно устарела. В соответствии со статьей 2 данного закона, «под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации».¹ В данном случае возникает вопрос о месте информационных веб-сайтов,² использующихся в глобальной сети Интернет, в системе СМИ. Они созданы на базе новых электронных технологий, которые основаны не на принципе периодичности распространения информации, как того требует действующий закон для признания информационного источника в качестве средства массовой информации, а на принципе периодичности *обновления* информации. Мы видим, что в определении термина «средство массовой информации» на этот факт не указывается. При этом информация, распространяемая с помощью сети Интернет, занимает все более значимое место в жизни каждого человека, а в русский язык уже прочно вошел такой термин, как «электронные средства массовой информации». На существование нового средства массовой информации обращает внимание и судебная практика. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также

---

¹ Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.

² Веб-сайт дословно переводится как «место в сети».

деловой репутации граждан и юридических лиц» говорится, в частности, о том, что «судам следует иметь в виду, что в случае, если не соответствующие действительности порочащие сведения были размещены в сети Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в установленном законом порядке в качестве средства массовой информации, при рассмотрении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо руководствоваться нормами, относящимися к средствам массовой информации»¹. Следовательно, веб-сайт может использоваться в качестве средства массовой информации, для этого лишь необходима его регистрация в соответствующем федеральном органе исполнительной власти (в настоящее время - это Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия).

Исходя из изложенного, очевидно, что законодательная дефиниция термина «средство массовой информации» должна быть видоизменена. В качестве одно из вариантов определения данного термина можно предложить следующую формулировку: «средство массовой информации – это периодически распространяемое печатное издание, радио-, теле-, видеопрограмма или иная форма периодически распространяемой информации, а также периодически обновляемое электронное издание, зарегистрированное в установленном законом порядке и предназначенное для неограниченного круга лиц». При этом для использования данной дефиниции в тексте Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» необходимо прописать порядок регистрации всех средств массовой информации, в том числе, информационных веб-сайтов.

---

¹ *Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г., № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.*

В статье 2 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»¹ даются определения ключевым терминам: «собрание», «митинг», «демонстрация», «шествие» и «пикетирование», что является, безусловно, позитивным фактором, представляющим возможность для более или менее четкого разграничения данных форм публичных мероприятий. Однако при детальном анализе изложенных в законе дефиниций, возникают некоторые вопросы, связанные с их содержанием. Например, термин «митинг» определяется как «массовое присутствие граждан в определенном месте для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера», термин «демонстрация» определяется как «организованное публичное выражение общественных настроений группой граждан с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации».

Критически, с нашей точки зрения, следует оценивать нормативные установления, связанные с тем, что общественное мнение или общественные настроения, то есть мнение или настроения, бытующие во всем обществе, могут выражаться определенной группой граждан, участвующих в митинге или демонстрации. Митинг, также как и демонстрация, – это массовые, но, в то же время, четко организованные и спланированные мероприятия, в которых в большинстве своем участвуют лица, поддерживающие и разделяющие те или иные взгляды, отражающие интересы лишь определенной *части* общества. Представители данной части социума как раз и координируют соответствующие действия, определяют их направление. Поэтому здесь можно говорить скорее о трансляции отдельных групповых интересов и настроений, чем о выражении мнения или настроений всего общества в целом. Отсюда, митинг, с нашей точки зрения, может восприниматься лишь как «массовое присутствие граждан в определенном

---

¹ Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2004. № 25. Ст. 2485.

месте для публичного выражения мнения конкретной общественной группы или нескольких общественных групп по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера», а «демонстрация» как «организованное публичное выражение определенных настроений в обществе группой граждан с использованием во время передвижения плакатов, транспарантов и иных средств наглядной агитации».

Еще одним наглядным примером несоответствия законодательной дефиниции современной сути понятия является ситуация, связанная с трактовкой термина «турист» в Федеральном законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».¹ В соответствии со статьей 1 данного нормативного правового акта, туристом признается «лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания, на период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания».

Основой для данного определения послужила дефиниция, содержащаяся в акте международного права – Нью-Йоркской конвенции о таможенных льготах для туристов от 4 июня 1954 года, в соответствии со статьей 1 которой под туристом понимается «любое лицо, независимо от его расы, пола, языка и религии, которое вступает на территорию какого-либо Договаривающегося Государства, кроме того Государства, в котором это лицо обычно проживает, и остается там не менее двадцати четырех часов и не более шести месяцев в течение любого двенадцатимесячного периода, с дозволенной целью, кроме цели иммигрировать, как-то: с целью туризма,

---

¹ Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 05 февраля 2007 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49. Ст. 5491; Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 833.

развлечения, спорта, или лечения, или по семейным обстоятельствам, или для учения, религиозного паломничества, или с деловыми целями».¹ Однако, с нашей точки зрения, отечественный законодатель, сформулировав определение термина «турист» на основе международно-правовой дефиниции и преломив основные условия, содержащиеся в ней, к внешнему и внутреннему туризму одновременно, при этом еще и дополнительно создав свои условия, совершил очевидную ошибку. Применительно к путешествиям гражданина внутри Российской Федерации вряд ли в полной мере могут быть реализованы правила, касающиеся установленных временных рамок и обязательности ночевки, которые определены для фактического приобретения правового статуса туриста. Ведь, к примеру, исходя из российской законодательной дефиниции термина «турист», гражданин, самостоятельно или в организованной группе, выезжающий на футбольный матч из города Орел в город Москва, не является туристом. Это обосновывается тем, что он может находиться в месте своего временного пребывания менее 24 часов, не совершить в нем ни одной ночевки, возвратившись домой сразу же по окончании матча. С юридической точки зрения данная ситуация означает, что у этого лица не возникает туристских прав и обязанностей, а, самое главное, на него не распространяются нормы российского законодательства, касающиеся его защиты и обеспечения безопасности. Тем не менее, указанный гражданин: а) выезжает за пределы своего места постоянного жительства, б) в спортивных целях; в) без занятия в этот период деятельностью, связанной с получением дохода в месте своего временного пребывания. Кстати, считаем, что содержащаяся в законодательном определении термина «турист» языковая конструкция «без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания» осложнена избыточным языковым элементом «от источников». С нашей точки зрения, в данном случае этот

---

¹ Конвенция о таможенных льготах для туристов (Нью-Йорк, 4 июня 1954 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XXI. – С. 259.

элемент может быть опущен, что не повлияет на содержание понятия и выражающего его термина.

Многие туристические агентства активно пропагандируют и осуществляют указанный нами вид деятельности, привлекая потенциальных клиентов, гарантируя им безопасность таких поездок, не обладая для этого соответствующей правовой основой. Поэтому, нам представляется, что следует задуматься об объективности существования условия для признания человека туристом, связанного с временными рамками («на период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания»), в преломлении, прежде всего, к внутреннему туризму, о его адекватности современной жизнедеятельности общества. Законодательное действие указанного условия, помимо всего прочего, еще и образует своеобразную «лазейку» для ухода недобросовестных туристических агентств и операторов от ответственности и уплаты соответствующих налогов и платежей. В этой связи, считаем, что определение термина «турист» в действующем законе «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» нуждается в корректировке, отражающей разделение туризма на внутренний и внешний (место и страна). Так, туристом, с нашей точки зрения, должно признаваться лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода в стране (месте) временного пребывания, находящееся в стране временного пребывания от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее там не менее одной ночевки.

4. Неоправданная многословность дефиниции.

Функциональные проблемы российского законодательства связаны и с неоправданной многословностью дефиниций, что создает условия для терминологической перегруженности законодательных текстов. Данное явление предопределяется не всегда обоснованным желанием законодателя

максимально конкретизировать то или иное положение. При этом неизбежно создается длинный и диспропорциональный словесный ряд, который из-за своего трудного восприятия значительно снижает КПД закона.

Наиболее ярким примером неоправданной многословности может служить дефиниция термина «иностраный инвестор» в тексте Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Так, в соответствии со статьей 2 указанного закона, под иностранным инвестором понимается «иностранное юридическое лицо, гражданская правоспособность которого определяется в соответствии с законодательством государства, в котором оно учреждено, и которое вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации; иностранная организация, не являющаяся юридическим лицом, гражданская правоспособность которой определяется в соответствии с законодательством государства, в котором она учреждена, и которая вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации; иностранный гражданин, гражданская правоспособность и дееспособность которого определяются в соответствии с законодательством государства его гражданства и который вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации; лицо без гражданства, которое постоянно проживает за пределами Российской Федерации, гражданская правоспособность и дееспособность которого определяются в соответствии с законодательством государства его постоянного места жительства и которое вправе в соответствии с законодательством указанного государства осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации; международная организация, которая вправе в соответствии с международным договором Российской Федерации осуществлять инвестиции на территории Российской Федерации».

Федерации; иностранные государства в соответствии с порядком, определяемым федеральными законами».¹

Очевидно, что подобная нормативная языковая конструкция представляет существенную трудность в своем восприятии, обусловленную повышенной сложностью структуры дефиниции. Помимо неоднократно (и необъективно) повторяющегося словесного ряда, присутствующего в данном определении, в нем содержатся и некоторые спорные моменты. Например, исходя из данного определения, непонятен статус российских граждан, постоянно проживающих за границей, занимающихся, например, предпринимательской деятельностью в стране их постоянного места жительства. Ведь они тоже являются обладателями иностранного капитала.

В этой связи, полагаем, что представленная дефиниция подлежит дроблению и корректировке.

Во-первых, необходимо кратко и доступно сформулировать определение самого термина «иностраный инвестор», выразить его сущность. Например, «иностраный инвестор – это субъект, осуществляющий вложение иностранного капитала в объекты предпринимательской деятельности на территории Российской Федерации в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта».

Во-вторых, следует ввести в текст Федерального закона «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» специальную статью «Виды иностранных инвесторов», в которой дать четкое определение каждому из них.

При рассмотрении сущности законодательных дефиниций мы уже обращали внимание на то, что определение должно быть сформулировано кратко, в нем следует отражать те смысловые особенности, которые наиболее ярко и четко характеризуют соответствующее понятие (термин) и позволяют отграничить его от других.

---

¹ *Федеральный закон от 9 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 28. Ст. 3493.*

5. Наличие разных определений одного и того же термина в различных законодательных актах.

Отметим, что данный вопрос не связан с многозначностью слова, являющегося юридическим термином, то есть с возможностью данного слова использоваться в различных значениях. Проблема возникает в том случае, если значение, в котором термин задействован в нескольких законах, одно, а словесная передача содержания выражаемого этим термином понятия различна, а значит различно и правовое содержание данного понятия в каждом конкретном случае. Например, термин «пассажир» трактуется в статье 177 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации при определении договора морской перевозки как «любое лицо, перевозка которого осуществляется на судне по договору морской перевозки пассажира либо с согласия перевозчика в целях сопровождения автомашины или животных по договору морской перевозки груза», в статье 2 Устава железнодорожного транспорта Российской Федерации он определяется как «лицо, совершающее поездку в поезде по действительному проездному документу (билету) либо имеющее проездной документ (билет) и находящееся на территории железнодорожной станции, железнодорожного вокзала или пассажирской платформы непосредственно перед указанной поездкой или непосредственно после нее»,¹ а в статье 2 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта пассажир – это «физическое лицо, перевозка которого транспортным средством осуществляется на основании договора перевозки пассажира или договора фрахтования транспортного средства для перевозки пассажира».² Очевидно, что если внимательно проанализировать все приведенные законодательные дефиниции, то можно заметить, что, несмотря

---

¹ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2003. № 2. Ст. 170.

² Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2007. № 46. Ст. 5555.

на различное словесное обрамление и, соответственно, на различное правовое содержание исследуемого термина, значение, в котором используется слово «пассажир» в каждом из указанных контекстов одно – это «физическое лицо, подлежащее перевозке». Почему же тогда данный термин определяется по-разному? В статье 2 Устава автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта предлагается весьма распространенный в современном российском законодательстве ответ на этот вопрос: термин «пассажир», как и все остальные, определяемые в тексте данной статьи, используется «для целей настоящего Федерального закона». В двух других законах такого указания не содержится. Попробуем проанализировать данную ситуацию. Прежде всего, так ли необходим законотворческий прием, связанный с «приспособлением» содержания конкретного термина для каждого отдельно взятого закона? Для нас очевидно, что при его использовании нивелируется такое свойство термина, как однозначность восприятия в юридическом языке, а также нарушается принцип системности термина и соответствующей ему законодательной дефиниции. Термин не может использоваться «для целей» закона, тем более, что такие цели в самом законе зачастую и не указываются. Каждый юридический термин задействован для наиболее точного выражения смысла правовой нормы, адекватного донесения ее содержания до пользователя. Он существует в системе и может быть задействован и в одном, и в нескольких законодательных актах. Всё зависит от того, насколько тот или иной термин востребован для языкового «облачения» конкретной правовой нормы.

Поэтому юридический термин, если он используется в нескольких законах в одном значении, должен и *пониматься* одинаково. Справедливо писал А.А.Ушаков о том, что «различное понимание закона подрывает общественные отношения, дискредитирует законность».¹ То есть, исходя из приведенного нами примера, встречаясь в любом законодательном тексте с

---

¹ Ушаков А.А. *Очерки законодательной стилистики. Часть 1. Содержание и форма в праве и проблемы законодательной стилистики.* – Пермь, 1967. - С.81.

термином «пассажир», каждое заинтересованное лицо должно узнать из его дефиниции о том, что это «физическое лицо, подлежащее перевозке», а все нюансы, связанные с видом транспорта, осуществляющего данную перевозку, договорными обязательствами сторон, видом проездного документа и т.д., должны быть отражены непосредственно в тексте той правовой нормы, которая посвящена регулированию конкретных отношений, связанных с перевозкой пассажира.

Анализ современного российского законодательства показывает, что затронутая нами проблема не ограничивается лишь разностью определения термина «пассажир», таких случаев значительно больше. Языковые «нестыковки» в определениях одних и тех же юридических терминов в настоящее время стали довольно распространенным явлением.

В ракурсе исследования данной проблемы приведем примеры соотношения дефиниций, изложенных в общем (кодифицированном) и специальном законе. Причем заметим, что иногда термин точнее изложен как раз в специальном законе.

Так, в статье 11 Таможенного кодекса Российской Федерации термин «российские лица» определяется как «юридические лица с местонахождением в Российской Федерации, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также физические лица, постоянно проживающие на территории Российской Федерации, в том числе зарегистрированные на территории Российской Федерации в качестве индивидуальных предпринимателей». При этом в статье 2 Федерального закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» российским лицом признается «юридическое лицо, созданное в соответствии с законодательством Российской Федерации, физическое лицо, имеющее постоянное или преимущественное место жительства на территории Российской Федерации, являющееся гражданином Российской Федерации или имеющее право постоянного проживания в Российской Федерации либо зарегистрированное в качестве индивидуального

предпринимателя в соответствии с законодательством Российской Федерации».¹

В данной ситуации два определения по сути одного термина («российские лица» и «российское лицо») в однопрофильных законах – Таможенном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности», не корреспондируют друг другу. Обратим внимание лишь на одно существенное противоречие. В соответствии со статьей 20 ГК РФ, местом жительства гражданина признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает, что отражено в статье 2 Федерального закона «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» при определении термина «российское лицо» и не указано в статье 11 Таможенного кодекса Российской Федерации. Таким образом, возникает нормативная дилемма, где, с одной стороны, российский гражданин имеет право постоянного или преимущественного проживания на территории своего государства, а с другой стороны, в случае непостоянного проживания в России, он рискует потерять статус российского лица в соответствии с таможенно-правовыми нормами. При этом если субъект не отнесен Таможенным кодексом Российской Федерации к российским лицам, то он автоматически рассматривается в качестве иностранного лица (ст.11), а это, в свою очередь, влечет за собой совершенно другой таможенно-правовой режим. Такая императивность в тексте определения термина «российские лица» в Таможенном кодексе Российской Федерации загодя ставит правоприменителя в тупик. Ведь, общеизвестно, что в современной России есть достаточно разноплановые категории лиц, которые, являясь гражданами Российской Федерации, постоянно в нашей стране не проживают.

Считаем, что возникшая антиномия может быть устранена путем выработки единого, общего определения термина «российские лица»,

---

¹ Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4850.

которое должно присутствовать и в Таможенном кодексе Российской Федерации и в Федеральном законе «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности».

Предлагаем следующий вариант единообразного определения данного термина: российские лица – это юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также физические лица, постоянно или преимущественно проживающие на территории Российской Федерации, являющиеся гражданами Российской Федерации или имеющие право постоянного проживания в Российской Федерации, в том числе зарегистрированные на территории Российской Федерации в качестве индивидуальных предпринимателей.

Юридический термин «работник» в статье 20 Трудового кодекса Российской Федерации определяется как «физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем»,¹ а в статье 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» как «физическое лицо, работающее в организации на основе трудового договора (контракта), лицо, занимающееся индивидуальной предпринимательской деятельностью, лицо, обучающееся в образовательном учреждении начального, среднего или высшего профессионального образования».² Очевидно, что в последнем случае, содержание понятия, выраженного термином «работник» значительно шире по сравнению с его трактовкой в Трудовом кодексе Российской Федерации. Полагаем, что разработчикам Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» действительно было удобно именно так трактовать юридический термин «работник», подразумевая в данном случае категории граждан, имеющих право на вступление в профсоюз. При этом отметим, что с точки зрения трудового законодательства, ни индивидуальных

---

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть первая). Ст. 3.

² Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 148.

предпринимателей, ни, тем более, учащихся (студентов), без их вступления в трудовые отношения с работодателем, признать работниками нельзя.¹ Такая разность толкования термина в источниках, которые относятся к одной нормативной и понятийно-концептуальной плоскости, неизбежно ведет к различному пониманию законодательных установлений.

Считаем, что в данном случае, в отличие от ситуации с термином «российские лица», для устранения путаницы в правоприменении, термину «работник», задействованному в Федеральном законе «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», следует придать тот смысл, который в него вкладывается при использовании в Трудовом кодексе Российской Федерации, то есть работник – это «физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем».

Следует отметить, что с одной стороны, вполне понятно стремление разработчика каждого законопроекта подобрать и определить такую группу терминов, которая нужна для наиболее адекватного отражения содержания именно данного акта. Порой без учета существующих определений соответствующих терминов в других законах. Однако с другой стороны, как видно из приведенных примеров, в случаях нарушения системности законодательных дефиниций возникает вирус недопонимания пользователем реального смысла законодательной мысли, и, как следствие этого, появляются противоречия при применении законов, ведь комплексное применение законодательных актов, содержащих различные дефиниции одного и того же термина, является весьма затруднительным.

Поэтому при использовании в различных законах одних и тех же терминов в общем значении, необходимо давать им и одинаковые определения, отражающие их единый смысл. Это одно из основных направлений унификации юридической терминологии, которое позволяет достичь непротиворечивых результатов процесса языкового оформления

---

¹ Такая позиция свойственна и Трудовому кодексу РФ, и действовавшему ранее КЗоТ РФ.

законотворческих решений, а значит, отсутствия их внутренней и внешней конфронтации.

Существующие проблемы определения терминов, безусловно, негативно сказываются на качестве российских законов, а также служат действенными предпосылками для ошибок и неточностей в правоприменении. С таким развитием событий необходимо бороться. Поэтому на основе тех рекомендаций, которые были сформулированы нами по каждой из выделенных проблем, определим два общих (магистральных) направления работы по совершенствованию дефиниций, используемых в федеральных законах.

Во-первых, считаем, что необходим официальный мониторинг законодательных дефиниций, который представляет собой наиболее эффективный способ их сравнительно-правового анализа. Это объективный факт и востребованная правовая реальность. Примером в данной ситуации может служить мониторинг всего федерального законодательства, проводимый ведущими справочно-правовыми системами «Гарант» и «Консультант-плюс», а также подразделениями различных государственных органов, научных и учебных заведений: центром мониторинга законодательства и правоприменительной практики при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, отделом мониторинга законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, центром мониторинга государственного управления и права Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации и др.

В нашем случае мониторингом должны охватываться как дефиниции федеральных законов, так и определения из региональных законодательных актов, учитывая наличие особого комплекса проблем и в сфере субординационного соответствия продукции этих двух уровней российского законодательства.

Весьма важная роль при этом должна отводиться и работе по составлению комплексных юридических словарей-справочников, включающих и объединяющих законодательные дефиниции. Об актуальности данного процесса высказываются ведущие отечественные ученые и практики, занимающиеся проблемами правотворчества и законотворческого процесса.¹ Однако словари, безусловно, являясь базовыми информационными источниками, все-таки существуют скорее в статике, чем в динамике, что обусловлено активно меняющимся нормативным пространством России и технически достаточно сложной процедурой их переиздания.² Существующий же электронный Словарь нормативных дефиниций российского законодательства,³ разработанный Правовым управлением Аппарата Государственной Думы Российской Федерации, не является общедоступным.

Поэтому динамичный и открытый для каждого заинтересованного пользователя справочно-правовой ресурс, с нашей точки зрения, является более эффективным средством решения поставленной проблемы. Нужный динамизм мониторингу законодательных дефиниций должна придавать его четкая и упорядоченная периодичность (например, один раз в месяц), а доступность – существование в качестве рекламно обеспеченной, бесплатной Интернет-рассылки, подписаться на которую сможет каждый заинтересованный участник российской правовой жизни. В качестве основных субъектов, которые занимались бы составлением и реализацией данного проекта, с нашей точки зрения, могут выступать операторы ведущих

---

¹ См., например: Апт Л.Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники: Сб. статей. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С.314; Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Норма, 2003. – С.70-71.

² Подобные словари были изданы дважды – в 1998 и 2001 годах: Словарь - справочник по российскому законодательству (термины, понятия, определения). – М.: Инфра-М, 1998; Словарь-справочник по российскому законодательству / Под ред. Л.Ф.Апт. – М.: Юристъ, 2001.

³ Исаков В. Б. Современные информационные технологии в законотворчестве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2-х т. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2001. - Т.1. – С.38.

справочно-правовых систем при безусловной поддержке обеих палат Федерального Собрания Российской Федерации.

Во-вторых, в условиях значительного роста законодательного материала и сложившейся неоднозначной ситуации в области тактики и техники построения дефиниций, объективности отражения соответствующих понятий в их содержании, с нашей точки зрения, появилась очевидная востребованность в формировании нового класса квалифицированных специалистов в сфере законотворческой деятельности. Это должны быть аналитики, готовые к проведению комплексной оценки нормативного пространства, взвешенной проработке его достоинств и недостатков, а также к формулированию авторских оригинальных дефинитивных решений. Специалисты новой формации должны являться не просто высококвалифицированными юристами, но и обладать совокупными знаниями в различных сферах философии, логики и лингвистики, с аналитическим и, одновременно, творческим складом ума.¹ Безусловно, что профессионалов такого уровня необходимо готовить, причем готовить целенаправленно, дополняя традиционный учебный процесс нужными дисциплинами, прежде всего, в рамках государственно-правовой специализации. Отметим, что программы основных профильных курсов и спецкурсов, таких, как «Юридическая техника»,² «Законотворческая техника»,³ «Язык и право (словесность в юриспруденции)»,⁴

---

¹ См. также: Туранин В.Ю. Проблемы подготовки специалистов для обеспечения законотворческой деятельности в российских высших учебных заведениях // *Право и образование*. - 2007, № 8. – С. 26-31.

² Баранов В.М., Варьяс М.Ю., Салыгин Е.Н. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника» // *Проблемы юридической техники: Сб. статей. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С.737-751; Насыров Р.В. Юридическая техника: рабочая программа для студентов дневного отделения юридического факультета. / <http://lexis-asu.narod.ru/bible.htm>*

³ Туранин В.Ю. *Законотворческая техника. Учебно-методическое пособие.* – Белгород, 2005.

⁴ Губаева Т.В. *Язык и право (словесность в юриспруденции). Рабочая программа спецкурса для студентов юридического факультета / <http://lexis-asu.narod.ru/bible.htm>*

«Лингвистические проблемы юридической терминологии»,¹ давно уже подготовлены и внедрены в учебный процесс некоторых вузов. Однако обобщающей, единой учебной дисциплины, официально закрепленной в образовательном пространстве России, к сожалению, до сих пор нет.

Особенно важной в этой связи представляется инициатива Совета Федерации России, сформулированная в докладе «О состоянии законодательства в Российской Федерации (законодательное обеспечение основных направлений внутренней и внешней политики в 2004 году)». В частности, в нем отмечается, что «необходимым фактором успеха является экстренное формирование корпуса специалистов в новой предметной области знаний, способных решать весь комплекс актуальных задач формирования целостной и непротиворечивой системы законодательства. В системе высшего образования необходимо развернуть соответствующую государственную программу. При этом целесообразно максимально учитывать зарубежный опыт по формированию новой научной и учебной дисциплины «легистика», предметом которой является законодательная деятельность в современных условиях, в частности с учетом опыта интеграции и реформирования современной Европы».² Надеемся, что данный проект не потеряется в существующем информационном потоке и будет реализован в самой ближайшей перспективе.

---

¹ Хижняк С.П. *Лингвистические проблемы юридической терминологии: программа спецкурса для студентов юридических специальностей.* / <http://lexis-asu.narod.ru/bible.htm>

² *Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 11 марта 2005 г. № 67-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2004 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 12. Ст. 975.*

2.2. Дефиниции в региональном законодательстве: проблемы внешней и внутренней дисгармонии

2.2.1. Дисгармония федеральных и региональных законодательных дефиниций

Региональное законодательство является важнейшим пластом во всем нормативном пространстве России. Уже само появление феномена законодательных актов, действующих на территории только одного субъекта Российской Федерации, предопределило актуальность его исследования.

В настоящее время существует две модели соотношения федеральных и региональных законов. Первая модель основана на положении, закрепленном в части 2 статьи 76 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которым, «по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации».¹ Вторая модель зиждется на требовании, изложенном в части 4 статьи 76 Конституции Российской Федерации: «вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономная область и автономные округа осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов». И в этой ситуации, в случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации (часть 5 статьи 76 Конституции Российской Федерации).

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.

В настоящем параграфе мы рассмотрим проблемы, возникающие в рамках реализации первой модели, так как считаем особенно важным выявить элементы дисгармонии в соотношении дефиниций федерального и регионального законодательства и предложить возможные пути их устранения.

Итак, система современного российского законодательства во многом характеризуется иерархичностью, обусловленной функционированием и соответствием нормативных правовых актов по принципу юридической силы. Как мы видим, в Конституции России был сформулирован постулат о внутренней согласованности законодательной системы, соответствии региональных законодательных актов федеральному законодательству в случае совместной компетенции Российской Федерации и регионов. Однако эта объективная и актуальная концепция в настоящее время лишь проходит своеобразную «обкатку» в нормативно-правовом пространстве. К сожалению, есть еще очень много проблем различной масштабности, препятствующих эффективной реализации принципа необходимой субординации разноуровневых законодательных актов.¹ Весьма категоричен, но объективен В.Б.Исаков во мнении о том, что после того, как субъекты Российской Федерации получили право формировать собственные правовые системы «в законодательство хлынул поток региональных правовых актов, отличающихся низким качеством, плохо продуманной концепцией, терминологической запутанностью, прямыми противоречиями Конституции и федеральному законодательству».² Острота проблемы проявляется во всех элементах сосуществования федерального и регионального законодательства, а также во внутренней несогласованности регионального нормативного массива. Законодатель того или иного субъекта Российской Федерации

---

¹ *Подробнее см.: Турагин В.Ю. Турагин Ю.П. Технология подготовки региональных (муниципальных) нормативных правовых актов и информационных документов. – Белгород, 2002.*

² *Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Сб. научных трудов. – Барнаул, АГУ, 2000. / <http://lexis-asu.narod.ru/ul2.htm>*

иногда игнорирует существующие приоритеты и предлагает свое видение урегулирования существующих вопросов. Так, например, в преамбуле закона Белгородской области «Об осуществлении права собственности и других вещных прав Белгородской области»¹ устанавливается, что «в случае противоречия настоящему закону нормативного правового акта областной Думы или администрации области, применяется настоящий закон, Гражданский кодекс или иной соответствующий федеральный закон».² При этом в соответствии со статьей 72 Конституции России вопросы разграничения государственной собственности, к которой относится и региональная собственность, а также, например, вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами, находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъекта. Следовательно, в данном случае действует правило, установленное в части 5 статьи 76 Конституции России, о приоритете федерального законодательства: «в случае противоречия между федеральным законом и иным актом, изданным в Российской Федерации, действует федеральный закон». Поэтому, упоминая вначале региональный закон, затем Гражданский кодекс и иное федеральное законодательство, законодатель субъекта Российской Федерации вольно или невольно расставляет свои приоритеты, подчеркивая вторичность федерального законодательства по отношению к региональному в данном конкретном случае. Такая нормативная языковая конструкция представляется ошибочной и опасной с точки зрения возможного формирования у адресата неверного мнения по поводу действительной субординации элементов общей законодательной системы, которое может привести, в итоге, к неправильному толкованию и применению законодательных установлений.

---

¹ Закон Белгородской области от 18 февраля 1997 г. № 104 «Об осуществлении права собственности и других вещных прав Белгородской области» // Бюллетень Белгородской областной Думы. 1997. № 19.

² Здесь и далее тесты всех анализируемых региональных законов цитируются с сохранением пунктуации, орфографии, в точном соответствии с первоначальным источником.

Считаем, что исследуемую формулировку регионального закона следовало сконструировать следующим образом: «в случае противоречия настоящему закону нормативного правового акта областной Думы или администрации области, применяется настоящий закон. В случае противоречия настоящего закона федеральному законодательству, применяется федеральное законодательство».

Считаем также, что при проведении более основательной работы с терминологией, можно было бы избежать и многих других ошибок регионального законодательства. К примеру, не возникло бы ситуации, когда в законе Белгородской области «Об инвестициях в Белгородской области», действовавшем на протяжении 11 лет, употреблялся термин «законодательные и нормативные правовые акты» (ст. 14),¹ который в таком виде не имеет права на существование.

Одной из основных предпосылок сложившегося негативного мнения о качестве законодательства субъектов Российской Федерации, помимо всего прочего, является невысокий уровень дефинитивного мастерства регионального законодателя. Причем недостатки проявляются и в форме, и в содержании законодательных дефиниций. В этой связи, актуальным является мнение Г.Т.Чернобель, в соответствии с которым, «в федеративном государстве никаких расхождений между основными (ключевыми) понятиями, используемыми в федеральном законодательстве, и понятиями, используемыми в региональном законодательстве, не может быть».² Более того, по нашему мнению, эта установка должна распространяться не только на какую-либо часть понятийной (терминологической) системы, пусть даже воспринимаемую в качестве основной. Принципиальную идентичность смыслового восприятия следует определять как основу функционирования

---

¹ Закон Белгородской области от 16 октября 1995 г. № 31 «Об инвестициях в Белгородской области» (утратил силу 24 октября 2006 года) // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 1995. № 23.

² Чернобель Г.Т. Правовые понятия и их применение в законах / В кн.: Законодательная техника. Научно-практическое пособие. – М.: Городец, 2000. – С. 86.

всех терминов, используемых в нормативных правовых актах федеральной и региональной принадлежности.

Однако анализ регионального законодательного текста показывает, что изложенный принцип соблюдается далеко не всегда. К примеру, в законе Липецкой области «О залоговом фонде Липецкой области» активно используется термин «инвестор», который определяется в статье 2 как «юридическое лицо, физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, вкладывающее собственные, заемные или привлеченные средства в форме инвестиций и обеспечивающее их целевое использование».¹ Таким образом, региональный законодатель воспринимает в качестве потенциальных субъектов инвестиционной деятельности только юридические лица и индивидуальных предпринимателей. При этом заметим, что в части 2 статьи 4 действующего Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» установлено положение, в соответствии с которым «инвесторами могут быть физические и юридические лица, создаваемые на основе договора о совместной деятельности и не имеющие статуса юридического лица объединения юридических лиц, государственные органы, органы местного самоуправления, а также иностранные субъекты предпринимательской деятельности».² Иными словами, трактовка понятия «инвестор», установленная федеральным законом значительно шире регионального понимания. Полагаем, что законодательное сужение круга потенциальных инвесторов на региональном уровне неприемлемо.

В статье 2 закона Белгородской области «Об организации государственного управления архивным делом в Белгородской области» закреплено положение, в соответствии с которым, «государственное

---

¹ Закон Липецкой области от 29 сентября 2004 г. № 127-ОЗ «О залоговом фонде Липецкой области» // Липецкая газета. 08 октября 2004 г. № 196.

² Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 9. Ст. 1096.

управление архивным делом в Белгородской области представляет собой деятельность органов государственной власти Белгородской области и иных государственных органов Белгородской области по организации хранения, комплектования, учета и использования архивных документов, находящихся в собственности Белгородской области, осуществляемая в интересах граждан, общества и государства, на основе федерального законодательства, настоящего закона и иных нормативных правовых актов Белгородской области».¹ Отметим, что данная трактовка содержит как внешнюю (грамматическую) ошибку (в контексте употреблено слово «осуществляемая» вместо «осуществляемую» или «которая осуществляется»), так и внутренние, смысловые неточности. При внимательном анализе можно заметить определенное дублирование содержания термина «государственное управление архивным делом» и термина «архивное дело», определяемого в тексте Федерального закона «Об архивном деле в Российской Федерации». Так, в статье 3 указанного закона установлено, что архивное дело в Российской Федерации – это «деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан в сфере организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов».² Таким образом, мы видим: то, что называется региональным законодателем *государственным управлением архивным делом* по своей сути и является самым архивным делом. Ведь как в первом случае устанавливается, что это деятельность по организации хранения, комплектования, учета и использования документов, так и во втором. В чем же разница? Мы полагаем, что государственное управление архивным делом должно выражаться в гарантировании прав субъектов

---

¹ Закон Белгородской области от 03 июля 2006 г. № 60 «Об организации государственного управления архивным делом в Белгородской области» // Белгородские известия. 12 июля 2006 г. № 115.

² Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 43. - Ст. 4169.

архивного дела, их финансовом и материально-техническом обеспечении, в осуществлении контрольных функций за соблюдением норм, установленных действующим законодательством об архивном деле. Именно эти позиции должны были найти свое место в определении термина, который является ключевым и системообразующим элементом для данного регионального законодательного акта. Заметим при этом, что в Федеральном законе «Об архивном деле в Российской Федерации» дефиниции термина «государственное управление архивным делом» не содержится, хотя он активно употребляется в законодательном тексте.

Схожая ситуация возникла и с термином «миссионерская деятельность», который определяется в законе Курской области «О миссионерской деятельности на территории Курской области» как «информационная и организационная деятельность представителей религиозных объединений, направленная на распространение своего вероучения и религиозной практики на территории Курской области среди лиц иной веры и неверующих» (ст. 2).¹ Дефиниция данного термина в федеральном законодательстве отсутствует, хотя он и используется наряду с термином «миссионер» в некоторых источниках.² Между тем, проблема, связанная с иностранным миссионерством в России приобретает все большую актуальность. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации в качестве одной из основных задач реализации национальной безопасности устанавливается «противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров». Этот же тезис закреплён и в Доктрине информационной безопасности Российской

---

¹ Закон Курской области от 18 июня 2004 г. № 23-ЗКО «О миссионерской деятельности на территории Курской области» // *Курские ведомости*. 2004. № 7.

² См., напр.: Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2000. № 2. Ст. 170; Приказ Минтранса от 24 августа 1998 г. № 110 «Об утверждении правил прохода иностранных некоммерческих и прогулочных судов по внутренним водным путям Северо-Западного и Беломорско-Онежского бассейнов Российской Федерации». Зарегистрирован в Минюсте России 18 марта 1999 г. Регистр. номер 1733 // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*. 1999. № 13.

Федерации в качестве одного из ведущих направлений обеспечения информационной безопасности в сфере духовной жизни.¹ Однако, из-за отсутствия официально закрепленного определения понятий, выраженных терминами «миссионерская деятельность» и «миссионер», система правоприменения работает не всегда четко. В этой связи представляется очевидной потребность в дефинициях данных терминов на федеральном уровне.

Есть и другая сторона проблемы, которая связана с целесообразностью использования в законах субъектов Российской Федерации терминологических новаций. С нашей точки зрения, их существование далеко не всегда является обоснованным. Так, например, в законе Ярославской области «О государственной поддержке и развитии лизинга в агропромышленном комплексе Ярославской области» в тезаурус введен термин «племенная животноводческая продукция», который не задействован в федеральном законодательстве и определяется как «племенные животные» (ст.1).² Заметим, что помимо дефинитивного круга, обусловленного тавтологией, данная трактовка региональной терминологической новации входит в противоречие с содержанием некоторых общих терминов, используемых в Федеральном законе «О племенном животноводстве». В статье 2 указанного закона устанавливается, что племенное животное – это «сельскохозяйственное животное, имеющее документально подтвержденное происхождение, используемое для воспроизводства определенной породы и зарегистрированное в установленном порядке». В свою очередь, племенная продукция (материал) – это «племенное животное, его семя и эмбрионы».³ Как мы видим, региональный законодатель, оперируя понятием «племенная

---

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 09 сентября 2000 г. № ПР-1895 // *Российская газета*. 28 сентября 2000 г. № 187.

² Закон Ярославской области от 04 марта 2003 г. № 10-3 «О государственной поддержке и развитии лизинга в агропромышленном комплексе Ярославской области» // *Губернские вести*. 10 марта 2003 г. № 16(1224).

³ Федеральный закон от 03 августа 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1995. № 32. Ст. 3199.

животноводческая продукция», соединил в его наименовании два разных по своей юридической сути термина, не обобщив и не отразив при этом их смысловую наполненность. Это обстоятельство нивелирует региональную терминологическую инициативу, подчеркивает ее содержательную пустоту.

В этой связи следует обратить внимание на то, что при конструировании законов субъектов Российской Федерации следует быть крайне осторожным в выборе новых терминологических форм, используя их только в случае острой необходимости, возникшей в связи с региональной спецификой регулирования тех или иных общественных отношений и отсутствием тождественного языкового звена в текстах федеральных законов.

Обратной ситуацией является отсутствие дефиниций ключевых терминов в региональных законодательных актах. Права М.А. Нагорная, указывая на недостаточность количества дефиниций в региональных законодательных актах по сравнению с федеральным законодательством и отмечая, что «потребность в доступности и ясности актов субъектов федерации не менее важна, поскольку их власти более приближены к населению».¹ К примеру, неясно, почему белгородский законодатель, формулируя общие положения закона «Об охране труда»² и составляя терминологический тезаурус, упустил определение самого ключевого понятия, выраженного термином «охрана труда». Мы уже отмечали, что термины, на основе которых зиждется весь текст закона, непременно должны быть определены в нем.

Приведенные нами в процессе анализа заявленной проблемы противоречия являются существенными и показательными примерами нарушения понятийно-концептуального единства федерального и

---

¹ Нагорная М.А. *Техника определения законодательных терминов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2-х т. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2001. – Т.1. – С.229.*

² Закон Белгородской области от 05 апреля 1999 г. № 55 «Об охране труда» // *Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 1999. № 13.*

регионального законодательства. Считаем, что в рамках законотворческого процесса каждого субъекта Российской Федерации необходимо обобщать и применять опыт логического и языкового построения дефиниций, закрепленных в федеральных законах, а в исследованных ситуациях региональные определения должны быть приведены в соответствие федеральной законодательной трактовке соответствующих терминов. При этом заметим, что общее требование об идентичной смысловой платформе федеральных и региональных законодательных дефиниций не следует воспринимать как призыв к языковому дублированию положений законов более высокой юридической силы. В данном случае речь идет о соответствии *содержания* законодательных определений, которое может быть выражено в любой удобной для законодателя форме. Нами отстаивается позиция концептуального единства разноуровневых дефиниций, которое обусловлено непротиворечивостью и адекватной трансляцией сути определяемого понятия в федеральных и региональных законодательных актах. При этом, в анализируемой ситуации, то есть, если регулирование общественных отношений находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, в текстах региональных законов возможен и «региональный компонент» формулируемой дефиниции, отражающий особую значимость определяемого понятия (термина) для конкретного субъекта Российской Федерации, привносящий в текст определения специфику регулирования общественных отношений на конкретной территории. Главное, чтобы он не входил в конфронтацию с установлениями федерального законодателя и обладал соответствующими качественными характеристиками юридического, логического и лингвистического свойства. При этом подчеркнем, что кроме всего прочего, в разноуровневом законотворческом процессе особенно важна интерференция. Поэтому и федеральному законодателю следует детальнее присматриваться к разработкам, изложенным в региональном законодательстве, исследовать и внедрять позитивные новации.

Обобщая все вышеизложенное, следует остановиться на тех конкретных рекомендациях, которые, с нашей точки зрения, могут способствовать достижению понятийно-концептуального единства федерального и регионального законодательства. Как в дефинитивном, так и в иных аспектах законотворческой деятельности.

Во-первых, отметим, что, с нашей точки зрения, следует акцентировано подходить к исполнению норм и полномочий, предоставленных различным экспертным органам в отношении законодательного материала. Так, например, в соответствии со статьей 16 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» одной из основных форм ее работы является экспертиза проектов нормативных правовых актов субъектов федерации и проектов правовых актов органов местного самоуправления.¹ Полагаем, что в настоящее время возможности Общественной палаты Российской Федерации и многочисленных Общественных палат, созданных в регионах, используются в указанном направлении недостаточно эффективно.

Считаем, что данная форма общественной экспертизы региональных законопроектов является не менее важной, чем, например, ведомственная экспертиза, и практический опыт экспертной работы федеральной и региональных Общественных палат неопределимо важен для каждого регионального законотворческого органа. Как справедливо отмечают А.Г.Гуринович и С.А.Комаров, «установление общественного контроля над законотворческой деятельностью с помощью общественной экспертизы, обсуждения и прозрачности позволит повысить качество законов и ответственность участников законодательного процесса, укрепить правовое государство, развивать правовую культуру граждан».²

---

¹ *Федеральный закон от 04 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277.*

² *Гуринович А.Г., Комаров С.А. Общественная палата Российской Федерации и экспертиза законопроектов // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2005, № 3 (63). – С.14.*

Во-вторых, необходимо совершенствовать и саму методику проведения экспертиз законопроектов в региональных законодательных органах. В частности, представляется целесообразным функционирование независимой экспертной комиссии при каждом региональном законодательном органе. Данная комиссия должна рассматривать и давать аналитическую оценку всем проектам региональных законов, вносимым в законодательный орган власти, на предмет соблюдения правил законотворческой техники, коррупциогенности и т.д. Причем наличие в ее составе представителей юридической науки считаем обязательным. Численность экспертной комиссии должна быть гибкой, то есть в зависимости от специфики общественных отношений, подлежащих нормативному регулированию, в ее состав следует включать представителей всех заинтересованных лиц. Итоговые материалы экспертизы проектов региональных законодательных актов (заключения) должны иметь рекомендательный характер и подлежать обязательному рассмотрению на заседаниях соответствующих профильных комиссий регионального законодательного органа и на общих заседаниях (сессиях).

В-третьих, считаем необходимой максимальную кодификацию регионального законодательства.¹ Обобщение и продуманное разделение на блоки проблем, подлежащих нормативному регулированию, в случаях, когда такой процесс принципиально возможен, является существенной предпосылкой для совершенствования законодательной мысли и ее текстуального воплощения. В этом ракурсе заслуживает внимания наличие и эффективное использование во многих субъектах Российской Федерации регионального Избирательного кодекса, а, например, на территории Белгородской области и Социального кодекса.²

---

¹ См. об этом: Ромашов Р.А., Сергеев С.Л. Региональное законодательство в России // Правоведение. – 2003, № 2. – С.61 и др.

² Социальный кодекс Белгородской области // Белгородские известия. 29 декабря 2004 г. № 226-227.

2.2.2. Дисгармония дефиниций, используемых в однотипных законах различных регионов России

Проблема дисгармонии дефиниций, используемых в однотипных региональных законах, вызвана различным пониманием субъектами законотворческой деятельности смысла вводимых в тексты законов терминов. При этом основной предпосылкой существования данной проблемы является отсутствие профильных федеральных законов, в которых и должны определяться соответствующие термины.

В Концепции развития российского законодательства в целях обеспечения единого правового пространства в России, подготовленной ведущими учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, отмечается, что «наличие пробелов в федеральном законодательстве и недостаточная оперативность принятия актов федерального законодательства подталкивает регионы к практике неоправданного «опережающего правотворчества». Роль федерального законодателя заключается в том, чтобы до минимума сократить имеющиеся пробелы».¹ Действительно, каждому региону невозможно жить в постоянном правовом вакууме, поэтому зачастую приходится самостоятельно «латать дыры», оставленные федеральным законодателем. Основная проблема здесь кроется в качестве исходящей от регионального законодателя продукции, ведь зачастую она весьма противоречива. В подкрепление актуальности данного тезиса остановимся на нескольких примерах, связанных с терминологическими проблемами региональных законов в представленном ракурсе.

Непростая ситуация сложилась с термином «одаренные дети», который по-разному трактуется в различных региональных нормативных правовых актах.

---

¹ Концепция развития российского законодательства в целях обеспечения единого правового пространства в России // Журнал российского права. – 2002, № 6. – С.21.

На федеральном уровне официальной дефиниции данного термина нет. И это несмотря на то, что с 1994 года существует программа «Дети России», которая в первом своем варианте была президентской, а затем трансформировалась в федеральную целевую программу. Она содержит подпрограмму «Одаренные дети»,¹ реализующуюся во всех регионах России. Безусловно, что именно отсутствие федерального нормативного определения понятия, выраженного термином «одаренные дети» послужило предпосылкой для его неоднозначного восприятия в региональных правовых источниках. В статье 1 закона Ярославской области «О поддержке одаренных детей» устанавливается, что одаренные дети – это «лица, не достигшие возраста 18 лет (совершеннолетия), обладающие выдающимися природными задатками и демонстрирующие признаки одаренности» (термин «признаки одаренности» также определяется в этой статье).²

В Белгородской области дефиниция термина «одаренные дети» была представлена в утвержденном постановлении главы администрации Белгородской области «Порядке выявления и отбора одаренных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей из многодетных и малообеспеченных семей, проживающих постоянно на территории области». В соответствии с указанным документом, одаренными признавались «дети, обладающие совокупностью психических свойств, обеспечивающих им возможность особенно успешного занятия каким-либо видом деятельности. Одаренность предполагает выдающиеся особенности организма как одно из необходимых условий формирования и развития психических качеств личности, но не предопределяет их полностью. Одаренность развивается в

---

¹ См.: Президентская программа «Дети России», утв. Указом Президента Российской Федерации от 18 августа 1994 года № 1696 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 17. Ст. 1955; Федеральная целевая программа «Дети России» на 2003-2006 годы, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 03 октября 2002 г. № 732 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 41. Ст. 3984; Федеральная целевая программа «Дети России» на 2007-2010 годы, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2007 г. № 172 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 14. Ст. 1688.

² Закон Ярославской области от 12 июля 2004 г. № 24-3 «О поддержке одаренных детей» // Губернские вести. 15 июля 2004 г. № 41 (1333).

процессе деятельности, обучения и воспитания и неразрывно связана с интересами и склонностями ребенка. Одаренность может проявляться в любой из областей человеческой деятельности».¹ Данное определение, к сожалению, в Белгородской области в настоящее время уже не используется, так как утратил силу сам нормативный правовой акт, в тексте которого оно содержалось. Это произошло в связи с принятием Постановления Губернатора Белгородской области «О стипендиях для одаренных детей Белгородской области», в тексте которого определения термина «одаренные дети» не содержится.²

Несмотря на это, отметим, что в одном субъекте России одаренность ребенка определяется исключительно его природными задатками, во втором – одаренность может восприниматься и как природная данность, и как результат развития ребенка в социуме, его формирование как личности в процессе обучения, воспитания. Нам ближе вторая позиция. При этом очевидно, что любое различие в понимании значения исследуемого термина в региональных нормативных актах отрицательно влияет, прежде всего, на реализацию действующей федеральной целевой программы и принятых в соответствии с ней региональных целевых программ. Ведь при неоднозначном толковании понятия, выраженного термином «одаренность», в различных субъектах Российской Федерации могут быть незамечены неординарные дети, которые действительно нуждаются в повышенном внимании. А это, в свою очередь, означает возможность неполучения ими соответствующего статуса, который обеспечивает серьезную государственную поддержку. Полагаем, что это недопустимо, и необходимо единое понимание значения термина «одаренные дети», обусловленное

---

¹ *Порядок выявления и отбора одаренных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей из многодетных и малообеспеченных семей, проживающих постоянно на территории области, утв. Постановлением главы администрации Белгородской области от 29 июня 1998 г. № 364 (утратил силу)// Белгородские известия. 1998. № 99.*

² *Постановление Губернатора Белгородской области от 24 апреля 2007 г. № 64 «О стипендиях для одаренных детей Белгородской области» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2007, № 104.*

существованием федеральной законодательной дефиниции. В том числе и поэтому сейчас особенно нужен Федеральный закон «Об одаренных детях в Российской Федерации».

Неоднозначно понимание в различных региональных законодательных актах и такого ключевого юридического термина, активно используемого в современной общественной жизни, как «наказы избирателей». В статье 1 закона Белгородской области «О наказах избирателей» закреплено положение, в соответствии с которым «наказами избирателей являются одобренные предвыборными собраниями имеющие общественное значение поручения избирателей депутатам областной Думы и главе администрации области, направленные на улучшение деятельности органов государственной власти области по вопросам экономического и социального развития, удовлетворения материальных и духовных потребностей жителей области».¹ В статье 1 закона Приморского края «О наказах избирателей» исследуемый термин определяется как «предложения по поручениям избирателей, утвержденные Законодательным Собранием в соответствии с требованиями настоящего Закона». При этом приморским законодателем вводится и другой термин – «предложения по наказам избирателей», который, в свою очередь, трактуется как «одобренные собраниями, сходами, конференциями избирателей и имеющие общественное значение поручения, данные депутатам Законодательного Собрания Приморского края (далее - Законодательное Собрание), которые направлены на улучшение деятельности органов государственной власти Приморского края по вопросам экономического, социального и политического развития, удовлетворения материальных и духовных потребностей жителей края».²

---

¹ Закон Белгородской области от 14 февраля 2001 г. № 131 «О наказах избирателей» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2001. № 26.

² Закон Приморского края от 05 марта 2004 г. № 102-КЗ «О наказах избирателей» // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 10 марта 2004 г. № 54.

Как мы видим, при определении соответствующего термина в различных нормативных источниках, нет ни смыслового, ни терминологического единства. Между тем, указы избирателей депутатам (кандидатам в депутаты) представляют собой одну из важнейших форм выражения воли граждан, реализации их интересов. Считаем также, что указ депутату (кандидату в депутаты) можно воспринимать и как своеобразную составляющую плана его предстоящей работы, руководство к действию. Очевидно, что такое значимое понятие должно быть терминологически закреплено и определено в действующем федеральном законодательстве, но его нет ни в тексте Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации»,¹ ни в тексте Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»,² ни в других законодательных актах. При этом заметим, что ранее термин «указы» был задействован даже в Конституции СССР 1977 года и в Конституции РСФСР 1978 года (соответственно – статья 102 «Избиратели и общественные организации дают указы своим депутатам» Конституции СССР³ и статья 98 «Избиратели дают указы своим депутатам» Конституции РСФСР⁴).

Стоит, наверное, задуматься и над тем, что в настоящее время необходим отдельный федеральный закон, который урегулировал бы всю процедуру получения и выполнения указов избирателей депутатами и

---

¹ Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 171.

² Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 21. Ст. 1919.

³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) (утратила силу) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

⁴ Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.) (утратила силу) // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. 1978. № 29. Ст. 407.

другими избираемыми лицами, определил бы ряд ключевых юридических терминов, в том числе, и термин «наказы избирателей».

Мы можем предложить следующую дефиницию исследуемого термина: «наказы избирателей – это имеющие общественное значение поручения депутатам (кандидатам в депутаты), иным избираемым лицам, исходящие от граждан, обладающих активным избирательным правом, одобренные предвыборными собраниями и направленные на совершенствование деятельности органов государственной и муниципальной власти в различных сферах жизнеобеспечения общества в целом и каждого человека в отдельности».

Противоречия, возникающие на региональном уровне в условиях отсутствия соответствующих федеральных законов, имеют системный характер. Естественно, что такая ситуация в условиях единого правового пространства не должна иметь место, поэтому в каждом конкретном случае необходима законодательная воля, устраняющая существующие пробелы.

Как же выйти из сложившейся ситуации в современных условиях, при отсутствии официально установленных правил законотворчества в данном аспекте и профильных федеральных законов в целом ряде случаев?

Считаем, что для устранения внутренней дисгармонии регионального законодательства, так же, как и для устранения дефинитивных пробелов федерального законодательства, необходимо широко задействовать возможности информационных ресурсов. Помимо системного мониторинга законодательства и мониторинга законодательных дефиниций, следует создать отдельную, постоянно обновляемую, информационную базу «Региональное законодательство», которая находилась бы в открытом доступе и могла использоваться каждым заинтересованным пользователем. Это будет концептуальное решение для многих проблем регионального законотворчества. В настоящее время, к сожалению, существующие общедоступные ресурсы в данной области ограничиваются возможностями справочно-правовых систем «Консультант-плюс», «Гарант» и других. При

этом региональный нормативный блок, изложенный в них, носит выборочный характер, далеко не исчерпывая объема и содержания накопленного законодательного массива. Это отчасти обусловлено и тем, что в некоторых субъектах Российской Федерации до сих пор отсутствуют электронные источники информации, информационные базы и системы. Региональное законодательство зачастую систематизируется только с помощью различных сборников и сводов, чего явно недостаточно в современных условиях информационного развития российского общества.

Полагаем, что сложившуюся ситуацию с систематизацией регионального законодательства в части ее инкорпорации следует менять в корне. В этой связи, нужно государственное решение, подкрепленное политической волей, обязывающее все субъекты Российской Федерации систематизировать свое законодательство по единому разработанному образцу. Оно может быть отражено как в законе «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», необходимость принятия которого очевидна, так и в отдельном специальном законе.

Для реализации указанного решения мы видим два возможных варианта:

1) создание в каждом регионе специализированной справочно-правовой информационной системы, объединяющей нормативный массив, и, прежде всего, региональное законодательство, по федеральной модели (с последующим объединением в единую информационную сеть);

2) систематизация регионального законодательства и заключение договора с федеральной справочно-правовой системой (оператором) на его включение в общую информационную базу и соответствующее обслуживание. Отметим, что оператор в данном случае, вероятнее всего, должен выиграть открытый конкурс на предоставление соответствующих услуг.

При использовании первого варианта, безусловно, потребуются более серьезные финансовые вложения, чем при внедрении второго предложенного

пути, который является объективно проще и реальнее с точки зрения объективации задуманной модели. Результат представляется тождественным – создание единого, постоянно обновляемого информационного правового пространства, отражающего систему региональных законодательных актов, каждый из которых действует на определенной локальной территории Российской Федерации (включая акты, утратившие силу и проекты законов). Идеальным решением было бы включение в информационную базу и других нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (постановлений, распоряжений высшего должностного лица региона и т.п.), а также массива нормативных правовых актов муниципалитетов.

Еще раз заметим, что в данном случае необходим унифицированный подход, основанный на единой схеме систематизации региональной законодательной деятельности. Определение таких единых позиций позволит законодателю каждого субъекта Российской Федерации четче и качественнее выстраивать свою терминологическую систему и систему дефиниций.

Что же это даст в итоге? Прежде всего, создание подобных информационных ресурсов предоставит каждому разработчику законопроекта реальную возможность для спектрального анализа действующего регионального законодательства, подтолкнет его к исследованию тождественных по своему предмету регулирования законов, действующих в других субъектах Российской Федерации. А это значит, что можно будет без особых усилий сопоставлять используемые в различных региональных законодательных актах термины и их определения, не допускать противоречий между ними. Кроме этого, каждая региональная понятийно-терминологическая новация, попадая в единую информационную сеть, автоматически станет объектом для пристального внимания ученых и практиков, занимающихся законопроектной работой, а это значит, что ей обязательно будет дана независимая оценка, определены ее положительные и отрицательные стороны. Такая аналитика также очень важна и полезна для законотворческой деятельности.

Единая информационная база регионального законодательства необходима и для разработчиков федеральных законов, которые, несомненно, будут исследовать нормативный опыт субъектов Российской Федерации, учитывать его в своей деятельности. Это подтолкнет инициаторов законопроектов к скорейшему устранению существующих пробелов и на федеральном уровне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе исследования теории и практики использования законодательных дефиниций определились некоторые общие перспективы совершенствования современного российского законодательного процесса, на которых стоит акцентировать внимание при завершении работы.

Во-первых, для того, чтобы добиться резких позитивных сдвигов в законодательской деятельности, наладить процедуру подготовки действительно качественных законов, нужно начать с изменения самого отношения субъектов, вовлеченных в законодательский процесс к итоговым результатам своей деятельности. Пожалуй, это является самой сложной, но, безусловно, первостепенной задачей. Закон не должен восприниматься как нечто первоначальное, временное и аморфное, как продукт, который нуждается в постоянном усовершенствовании. Уже при формировании первичной концепции законопроекта, следует думать о будущем законе как об окончательном акте, способном эффективно функционировать на протяжении длительного временного периода, соответствовать направлениям развития общества и государства. Необходимо создать психологическую атмосферу безусловного уважения и признания авторитета закона, приоритета соблюдения юридических норм. Это должно отразиться и на языке, с помощью которого формулируются законодательные положения, а в особенности - на терминах, используемых в законодательстве. Полагаем, что для реализации изложенного нами тезиса следует наладить систему мероприятий по пропаганде *безупречного* юридического языка, направленную на привлечение внимания к данному феномену общественной жизни и устранение существующих проблем. Для ее финансового обеспечения, с нашей точки зрения, необходима разработка долгосрочной федеральной целевой программы «Юридический язык» (или корректировка существующей ФЦП «Русский язык», связанная с добавлением

соответствующего направления), которая предусматривала бы возможность проведения следующих действий:

1. Внедрение практики проведения в России Дня юридического языка, что сопровождалось бы информационной поддержкой со стороны СМИ, а также комплексом международных научно-практических конференций и круглых столов по данной проблеме в различных федеральных и региональных органах власти, связанных с законотворческой и правоприменительной деятельностью, а также в научных и учебных заведениях.

2. Разработка на конкурсной основе программ дисциплин, связанных с изучением законодательных дефиниций, и их включение в обязательную образовательную программу юридических факультетов и вузов.

3. Систематическое проведение специализированных тренингов и семинаров для государственных служащих и иных лиц, вовлеченных в законотворческий процесс, с привлечением в качестве докладчиков ученых, занимающихся анализом проблем законодательных дефиниций и ведущих отечественных и зарубежных специалистов-практиков.

4. Организация курсов повышения квалификации работников соответствующих правовых управлений законотворческих органов, проведение на конкурсной основе их стажировок в других странах.

5. Стимулирование внедрения терминологических экспертиз законодательного текста.

6. Поддержка в форме грантов лучших научно-практических исследований, связанных с изучением юридического языка.

7. Расширение практики проведения органами государственной власти, ведущими объединениями научного сообщества школ молодых ученых и специалистов, основной тематикой которых является изучение различных особенностей законотворческого процесса, исследование терминологической обеспеченности законодательных актов, в целях формирования научного

интереса к данным проблемам и подготовки кадров для обеспечения законотворческой деятельности.

Во-вторых, считаем, что целесообразно провести ряд комплексных действий, направленных на совершенствование организации законотворческого процесса, что также важно для достижения позитивного результата в улучшении качественных характеристик формы и содержания законодательных актов:

1. Очевидна необходимость принятия Федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», в тексте которого были бы закреплены основные принципы работы федеральных и региональных парламентариев с законопроектами, а также отражены особенности создания правовых норм и их языкового воплощения (наряду со многими другими практическими аспектами законотворческой деятельности).

2. Необходимо установить императив сдачи квалификационного экзамена для потенциального работника, деятельность которого будет связана с формулированием законодательного текста, предусмотрев в нем, помимо прочего, широкий спектр вопросов юридико-технического характера. В качестве экзаменаторов целесообразно привлекать представителей юридической науки.

3. Следует принять все меры для повышения престижа законотворческой работы, стимулировать ее добросовестное осуществление, в частности, значительно поднять уровень оплаты труда сотрудников правовых управлений различных органов власти, вовлеченных в законотворческий процесс. Это поможет привлечь к законопроектной деятельности высококвалифицированных специалистов, создаст атмосферу действительной заинтересованности в работе с законодательным текстом.

4. При этом необходимо определить критерии материальной и моральной ответственности за недобросовестную разработку каждого законопроекта. Основным условием наступления такой ответственности

является наличие в тексте законопроекта весомых упущений или ошибок, связанных с незнанием действующих правовых норм и (или) с неправильным использованием юридического языка. Для этого возможно установить комплексную балльную оценку законопроектов. Основанием для применения соответствующих дисциплинарных (штрафных) санкций должны служить результаты проведения соответствующих независимых экспертиз.

5. Отношение к экспертной работе с законодательным текстом также должно быть пересмотрено в пользу повышения статуса эксперта, улучшения моральных и материальных условий его деятельности.

Полагаем, что это концептуальные, знаковые действия, без которых современный законотворческий процесс не получит должного развития, а значит, проблемы, возникающие при использовании законодательных дефиниций, могут остаться без решения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Российские нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года) // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст.3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (часть вторая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст.410.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.
6. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3824.
7. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207.
8. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

9. *Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть первая). Ст. 3.*

10. *Таможенный кодекс Российской Федерации от 28 мая 2003 г. № 61-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 22. Ст. 2066.*

11. *Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть первая). Ст. 16.*

12. *Закон РСФСР от 26 июня 1991 года № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1005.*

13. *Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.*

14. *Закон Российской Федерации от 07 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 15. Ст. 766.*

15. *Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 «Об образовании» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 30. Ст. 1797.*

16. *Закон Российской Федерации от 09 октября 1992 г. № 3612-1 «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» // Ведомости Совета народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 46. Ст. 2615.*

17. *Федеральный закон от 03 августа 1995 г. № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 32. Ст. 3199.*

18. *Федеральный закон от 08 декабря 1995 г. № 98-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 50. Ст. 4870.*

19. *Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 148.*

20. *Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996, № 17. Ст. 1918.*

21. *Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 05 февраля 2007 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49. Ст. 5491; Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 7. Ст. 833.*

22. *Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 9. Ст. 1096.*

23. *Федеральный закон от 09 июля 1999 г. № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 28. Ст. 3493.*

24. *Федеральный закон от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 30. Ст. 3774.*

25. *Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.*

26. *Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 52 (часть 1). Ст. 5140.*

27. *Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 170.*

28. *Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 2. Ст. 171.*

29. *Федеральный закон от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28. Ст. 2895.*

30. *Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 50. Ст. 4850.*

31. *Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 25. Ст. 2485.*

32. *Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283.*

33. *Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 43. Ст. 4169.*

34. *Федеральный закон от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 52 (часть 1). Ст. 5270.*

35. *Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 44.*

36. *Федеральный закон от 04 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 15. Ст. 1277.*

37. *Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 21. Ст. 1919.*

38. *Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (часть 1). Ст. 3434.*

39. *Федеральный закон от 03 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 45. Ст. 4626.*

40. *Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 271-ФЗ «О розничных рынках и внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 1 (часть 1). Ст. 34.*

41. *Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5553.*

42. *Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5555.*

43. *Федеральный закон от 08 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 46. Ст. 5557.*

44. *Федеральный закон от 01 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 49. Ст. 6076.*

45. *Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 17. Ст.1755.*

46. *Федеральный закон от 26 июня 2008 г. № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 26. Ст.3021.*

47. *Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 2. Ст. 170.*

48. *Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 11 марта 2005 г. № 67-СФ «О докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 2004 года «О состоянии законодательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 12. Ст. 975.*

49. *Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2006 - 2010 годы, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2005 г. № 833 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 2. Ст. 200.*

50. *Федеральная целевая программа «Дети России» на 2007-2010 годы, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2007 г. № 172 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 14. Ст. 1688.*

51. *Приказ Минтранса РФ от 24 августа 1998 г. № 110 «Об утверждении правил прохода иностранных некоммерческих и прогулочных судов по внутренним водным путям Северо-Западного и Беломорско-Онежского бассейнов Российской Федерации». Зарегистрирован в Минюсте*

России 18 марта 1999 г. Регистр. номер 1733 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 1999. № 13.

52. *Приказ Минюста РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ от 10 января 2001 г. № 3/51 «Об утверждении методических правил по организации законопроектной работы федеральных органов исполнительной власти» // Данный документ официально опубликован не был. При работе использовалась справочно-правовая система «Гарант».*

53. *Социальный кодекс Белгородской области // Белгородские известия. 29 декабря 2004 г. № 226-227.*

54. *Закон Белгородской области от 18 февраля 1997 г., № 104 «Об осуществлении права собственности и других вещных прав Белгородской области» // Бюллетень Белгородской областной Думы. 1997. № 19.*

55. *Закон Белгородской области от 05 апреля 1999 г. № 55 «Об охране труда» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 1999. № 13.*

56. *Закон Белгородской области от 14 февраля 2001 г. № 131 «О наказах избирателей» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2001. № 26.*

57. *Закон Белгородской области от 03 июля 2006 г. № 60 «Об организации государственного управления архивным делом в Белгородской области» // Белгородские известия. 12 июля 2006 г. № 115.*

58. *Закон Курской области от 18 июня 2004 г. № 23-ЗКО «О миссионерской деятельности на территории Курской области» // Курские ведомости. 2004. № 7.*

59. *Закон Липецкой области от 29 сентября 2004 г. № 127-ОЗ «О залоговом фонде Липецкой области» // Липецкая газета. 08 октября 2004 г. № 196.*

60. Закон Приморского края от 05 марта 2004 г. № 102-КЗ «О наказах избирателей» // Ведомости Законодательного Собрания Приморского края. 10 марта 2004 г. № 54.

61. Закон Ярославской области от 04 марта 2003 г. № 10-3 «О государственной поддержке и развитии лизинга в агропромышленном комплексе Ярославской области» // Губернские вести. 10 марта 2003 г. № 16(1224).

62. Закон Ярославской области от 12 июля 2004 г. № 24-3 «О поддержке одаренных детей» // Губернские вести. 15 июля 2004 г. № 41 (1333).

63. Постановление Губернатора Белгородской области от 24 апреля 2007 г. № 64 «О стипендиях для одаренных детей Белгородской области» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 2007, № 104.

Международные нормативные правовые акты и нормативные правовые акты иностранных государств

64. Конвенция о таможенных льготах для туристов (Нью-Йорк, 4 июня 1954 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Выпуск XXI.

65. Правила подготовки проектов нормативных правовых актов, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 11.08.2003 г. № 359 / http://pravo.by/webnpa/text_txt.asp?RN=P30300359

Акты высших судебных органов

66. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г., № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

Программно-целевые акты

67. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 09 сентября 2000 г. № ПР-1895 // Российская газета. 28 сентября 2000 г. № 187.

Нормативные правовые акты, утратившие силу и использовавшиеся для сравнительного анализа

68. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

69. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета РСФСР девятого созыва 12 апреля 1978 г.) // Ведомости Верховного Совета Российской Федерации. 1978. № 29. Ст. 407.

70. Кодекс законов о труде Российской Федерации (в ред. от 10 июля 2001 г.) // Полный сборник кодексов Российской Федерации. – М., 2001.

71. Президентская программа «Дети России», утв. Указом Президента Российской Федерации от 18 августа 1994 года № 1696 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 17. Ст. 1955.

72. Федеральная целевая программа «Дети России» на 2003-2006 годы, утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 03 октября 2002 г. № 732 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 41. Ст. 3984.

73. Закон Белгородской области от 16 октября 1995 г. № 31 «Об инвестициях в Белгородской области» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области. 1995. № 23.

74. Порядок выявления и отбора одаренных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, детей из многодетных и малообеспеченных семей, проживающих постоянно на территории области, утв. Постановлением главы администрации Белгородской области от 29 июня 1998 г. № 364 // Белгородские известия. 1998. № 99.

Библиография

75. Апт Л. Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники: Сб. статей. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С.301-315.

76. Аристотель. Сочинения в четырех томах. – М.: Мысль, 1975-1983.

77. Асмус В.Ф. Логика. – М.: Едиториал УРСС, 2001. - 386 с.

78. Баранов В.М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / Под ред. проф. В.М.Баранова, проф. П.С.Пацуркивского, к.ю.н. Г.О.Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С.24-66.

79. Баранов В.М., Варьяс М.Ю., Салыгин Е.Н. Инициативная программа спецкурса «Юридическая техника» // Проблемы юридической техники: Сб. статей. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С.737-751.

80. Баудиш М. Опыт Чехословакии в подготовке терминологических стандартов // *Материалы Международного симпозиума «Теоретические и методологические вопросы терминологии»*. – М., 1979. – С.33-37.
81. Бачило И.Л. О методологии и юридической технике законотворчества // *Государство и право*. – 2006, № 6. – С.14-22.
82. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / *Правовая мысль: Антология*. Авт.-сост. В.П.Малахов. – М.: Академический проект, 2003. – С.263-267.
83. Большой толковый словарь русского языка (БТС) / *Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов*. – Спб.: Норинт, 1998. – 1536 с.
84. Васьковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – 508 с.
85. Волкова И.Н. Стандартизация научно-технической терминологии. – М., 1984. - 52 с.
86. Гоббс Т. Сочинения. В 2-х томах. – М.: Изд-во «Мысль», 1989.
87. Горский Д.П. Определение (логико-методологические проблемы). – М.: Мысль, 1974. – 312 с.
88. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 160 с.
89. Гуринович А.Г., Комаров С.А. Общественная палата Российской Федерации и экспертиза законопроектов // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. – 2005, № 3 (63). – С.12-14.
90. Дальберг И. О структуре определений // *Материалы Международного симпозиума «Теоретические и методологические вопросы терминологии»*. – М., 1979. – С.41-45.
91. Дигесты Юстинина // *Избранные фрагменты в переводе и с примечаниями И.С.Перетерского*. – М.: Наука, 1984. – 456 с.

92. Дюбюк Р. Состояние терминологии на современном этапе // *Материалы Международного симпозиума «Теоретические и методологические вопросы терминологии»*. – М., 1979. – С.23-25.

93. Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: *Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / Под ред. проф. В.М.Баранова, проф. П.С.Пацуркивского, к.ю.н. Г.О.Матюшкина.* – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – 1456 с.

94. *Законодательная техника: Научно-практическое пособие.* – М.: Городец, 2000. – 272 с.

95. *Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2-х т. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова.* – Нижний Новгород, 2001.

96. *Игонина Л.Л. Инвестиции / Под ред. проф. В.А.Слепова.* – М.: Экономистъ, 2003. – 478 с.

97. *Исаков В.Б. Современные информационные технологии в законотворчестве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2-х т. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова.* – Нижний Новгород, 2001. - Т.1. – С.31-46.

98. *Как готовить законы: Научно - практическое пособие / Ред. колл.: Ю. А. Тихомиров и др.* – М., 1993. – 242 с.

99. *Карташов В.Н. Юридические дефиниции: некоторые методологические подходы, виды и функции // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / Под ред. проф. В.М.Баранова, проф. П.С.Пацуркивского, к.ю.н. Г.О.Матюшкина.* – Нижний Новгород:

Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С.580-597.

100. Керимов Д.А. Дialeктический путь познания права. / В кн.: *Методологические проблемы советской юридической науки.* – М.: Наука, 1980. – С.11-38.

101. Керимов Д.А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. – М., 1998. – 127 с.

102. Кнапп В., Герлох А. Логика в правовом сознании / Пер. с чешск. – М., 1987. – 310 с.

103. Козулин А. И. О некоторых аспектах качества регионального закона // *Государство и право* – 2000, № 6. – С.83.

104. Концепция развития российского законодательства в целях обеспечения единого правового пространства в России // *Журнал российского права.* – 2002, № 6. – С.17-31.

105. Кострова М.Б. Дефинирование понятий и терминов, используемых в УК РФ // *Журнал российского права.* – 2003, № 12. – С.80-88.

106. Лазарев В.В. Дефиниции в законодательной деятельности Государственной Думы России // *Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / Под ред. проф. В.М.Баранова, проф. П.С.Пацуркивского, к.ю.н. Г.О.Матюшкина.* – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С.158-172.

107. Люблинский П.И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса / Под ред. и с предисловием проф. В.А.Томсинова. – М.: Зерцало, 2004. – 248 с.

108. Магомедов С.К. Унификация нормативной правовой терминологии и единое правовое пространство России // *Журнал российского права.* – 2004, № 3. – С. 23-31.

109. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 30 томах. – М.: Госуд. изд-во политической лит-ры, 1961.

110. Москаленко И.В. Дефиниции в системе юридических средств механизма гражданско-правового регулирования // Право и образование. – 2005, № 1. – С.18-23.

111. Нагорная М.А. Техника определения законодательных терминов // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сб. статей: В 2-х т. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2001. - Т.1. – С.220-233.

112. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / Под ред. чл.-корр. АН СССР Д.А.Керимова. – М.: Изд-во «Прогресс», 1974. – 256 с.

113. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Москва-Минск, 2002. – 976 с.

114. Пионтковский А. К методологии изучения действующего права / Ученые записки ВИЮН. Выпуск 6. – М., 1946. – С.37.

115. Попа К. Теория определения. – М., 1976. – 247 с.

116. Проблемы юридической техники: Сб. статей. / Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – 823 с.

117. Рахманина Т.Н., Баранов В.М., Тихомиров Ю.А., Сырых В.М. Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов // Проблемы юридической техники: Сб. статей. Под ред. д.ю.н., проф. В.М.Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С.803-815.

118. Ромашов Р.А., Сергевнин С.Л. Региональное законодательство в России // Правоведение. – 2003, № 2. – С.57-61.

119. Ромашов Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года) / Под ред. проф.

В.М.Баранова, проф. П.С.Пацуркивского, к.ю.н. Г.О.Матюшкина. – Нижний Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника», 2007. – С.101-116.

120. *Савицкий В. М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. – М.: Наука, 1987. – 288 с.*

121. *Словарь - справочник по российскому законодательству (термины, понятия, определения). – М.: Инфра-М, 1998. – 432 с.*

122. *Словарь-справочник по российскому законодательству / Под ред. Л.Ф.Ант. – М.: Юристъ, 2001. – 910 с.*

123. *Суперанская А.В, Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология. Вопросы теории. / Отв. ред. Т.Л.Канделаки. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 248 с.*

124. *Туранин В.Ю. Туранин Ю.П. Технология подготовки региональных (муниципальных) нормативных правовых актов и информационных документов. – Белгород, 2002. – 264 с.*

125. *Туранин В.Ю. Законотворческая техника. Учебно-методическое пособие. – Белгород, 2005. – 49 с.*

126. *Туранин В.Ю. Транс терминологизация – новая проблема современного юридического языка // Право и политика. Научный юридический журнал. – 2005, № 2. – С.134-140.*

127. *Туранин В.Ю. Проблемы подготовки специалистов для обеспечения законотворческой деятельности в российских высших учебных заведениях // Право и образование. - 2007, № 8. – С. 26-31.*

128. *Ушаков А.А. Очерки законодательной стилистики. Часть 1. Содержание и форма в праве и проблемы законодательной стилистики. – Пермь, 1967. - 206 с.*

129. *Чернобель Г.Т. Правовые понятия и их применение в законах / В кн.: Законодательная техника. Научно-практическое пособие. – М.: Городец, 2000. – С.78-87.*

130. Юртаева Е.А. Закон о нормативных правовых актах и практика российского правотворчества // Журнал российского права. – 2006, № 5. – С.12-22.

131. Wuster E. Einfürung in die Allgemeine Terminologielehre und terminologische Lexicographie. – Wien; N.Y., 1979. - Bd. 1-2.

Материалы диссертационных исследований

132. Сырых Е.В. Общие критерии качества закона. – Дисс.. канд. юрид. наук. – Москва, 2001. – 221 с.

133. Чиннова М.В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах. Дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 177 с.

Интернет-публикации

134. Губаева Т.В. Язык и право (словесность в юриспруденции). Рабочая программа спецкурса для студентов юридического факультета / <http://lexis-asu.narod.ru/bible.htm>

135. Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Сб. научных трудов. – Барнаул, АГУ, 2000. / <http://lexis-asu.narod.ru/ul2.htm>

136. Насыров Р.В. Юридическая техника: рабочая программа для студентов дневного отделения юридического факультета / <http://lexis-asu.narod.ru/bible.htm>

137. Хижняк С.П. Лингвистические проблемы юридической терминологии: программа спецкурса для студентов юридических специальностей. / <http://lexis-asu.narod.ru/bible.htm>

КРАТКАЯ СПРАВКА ОБ АВТОРЕ

Туранин Владислав Юрьевич окончил юридический факультет Белгородского государственного университета.

Кандидат юридических наук, доцент.

Область научных интересов: теория и практика использования юридической терминологии в тексте закона, судебного акта, договора; проблемы качества российского законодательства.

Автор более 80-ти научных и учебно-методических работ. Основные работы: Юридическая терминология и проблемы ее использования в нормотворческой деятельности: Монография. – Белгород, 2001; Технология подготовки региональных (муниципальных) нормативных правовых актов и информационных документов: Справочно-методическое пособие (в соавторстве). – Белгород, 2002; Законотворческая техника: Учебно-методическое пособие. – Белгород, 2004; Правовые реалии юридической терминологии: Монография. – Белгород, 2006; Оптимизация регионального законотворчества. Практическое пособие. – Белгород, 2008 и др. Научные статьи автора опубликованы в журналах: «Бизнес в законе», «Бюллетень нотариальной практики», «Государственная власть и местное самоуправление», «Гражданское право», «Журнал российского права», «История государства и права», «Право и образование», «Право и политика», «Российская юстиция», «Современное право», «Черные дыры» в Российском Законодательстве», «Юридическое образование и наука», «Юрист».

Победитель конкурса проектов исследовательских работ на соискание грантов среди молодых ученых Белгородской области 2003 года.

Победитель конкурса проектов исследовательских работ на соискание грантов Российского гуманитарного научного фонда 2008 года.

Член Российской академии юридических наук.

В 2003-2007 г.г. – депутат Белгородского районного Совета депутатов.

С 2007 г. – депутат Земского собрания «Дубовское сельское поселение» Белгородского района Белгородской области.